

Священник Г.С.Петров
ЗАПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦЕРКВИ

Санкт-Петербург, 1906

Ред.

Golden-Ship.ru

, 2012

С.-Петербургского Духовного Цензурного Комитета печатать дозволяется. С.-Петербург, 5 Апреля 1905 г.
Цензор, Иеромонах Александр.

[ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО](#)

[ГОЛОС ЦЕРКВИ](#)

[СВОБОДА СОВЕСТИ](#)

[ЧТО ДЕЛАТЬ ДУХОВЕНСТВУ?](#)

[ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ ПОЧИН](#)

Церковь и Государство

Министерство Комба во Франции вышло в отставку. Оно было побуждено к тому не столько внешними причинами, сколько внутренними. Оно не было разбито и ниспровергнуто политическими противниками, - оно было скорее измучено, разбито внутренне усилиями своей напряженной борьбы.

Министерство Комба, как известно, с первых же дней своего существования вступило в ожесточенную борьбу с церковными конгрегациями, с различными монашескими орденами. Оно же проводило и надеялось осуществить мысль об отделении церкви от государства.

На этом основании обыкновенно и говорили, что французское правительство ведет борьбу с церковью. На самом деле положение вопроса было несколько иное. Очень может быть, что и многие сторонники Комба думали, будто они борются против церкви, но в действительности тут было и есть крупное недоразумение. Борьба французского правительства велась и ведется, строго говоря, не против церкви, а против духовенства. Еще точнее: против злоупотреблений духовенства своими правами и преимуществами. Это требует точного разграничения и обстоятельного пояснения.

Дело в том, что исторически судьбы христианской церкви среди европейских народов сложились со значительным уклоном в сторону от великих спасительных целей, завещанных миру Евангелием. Очень часто случалось, что высокие и чисто духовные задачи Христовой Церкви отходили на задний план, а на первое место выдвигались и здесь господствовали задачи и цели личные, кастовые, чисто земные интересы духовенства, незаконно присвоившего себе господствующее положение в церкви.

Известный канонист, профессор Заозерский в своем сочинении: "О церковной власти", устанавливает, что церковное управление апостольского века было открытым и публичным.

"Трудно и едва ли даже возможно, - говорит он, - отыскать в действиях апостолов какой-либо намек на то, чтобы они действовали когда-либо *секретно от верующих*, предпринимали какие-либо меры, не посоветовавшись предварительно со всею церковью данного места. Напротив, в "Деяниях апостольских" находится множество свидетельств в пользу того, что они раскрывали перед верующими свои планы и осуществляли их по совещании с ними и при содействии их".

Очевидно, связь всех членов церкви, и мирян, и духовенства, была живая, деятельная и постоянная. Ни у кого не было своих личных интересов, а преследовались цели исключительно общие, церковные, на служение которым и привлекались все духовные силы всех христиан.

С течением времени, в позднейшие века положение менялось. Духовенство в христианском обществе выдвигалось все более и более вперед, стремилось захватить первенствующее положение, при чем в основу своих стремлений клало не столько нравственно-руководящую силу, сколько искусно закрепленные социальные и политические права. Возникает папство. Растет и укрепляется идея господства, преобладания церкви над государством.

Идея сама по себе правильная и высокая. Церковь есть строящееся в людях, в сердцах их, а чрез сердце и в жизни, в деятельности Царство Божие. Государство есть строящееся царство человеческое.

В истинно-христианской церкви в основе лежат начала жизни, завещанные Богочеловеком, воплощенные на земле Божиею правдою и Божиею любовью. Задачи церкви - воплощение Бога в людях. По времени они вечны и выше всяких политических, национальных и социальных задач: превосходят их и шириною, и глубиною, и чистотою.

В основе жизни государств лежат начала, выработанные данным временем и преследующие часто данные, временные цели. Государствам приходится считаться с наличностью множества болезненных и уродливых явлений жизни, применяться к ним и исходить из них. Поэтому законодательства государств предъявляют к людям всегда минимум, самую меньшую меру нравственных требований, без которых никакая возможно - терпимая государственная жизнь немыслима: "не будьте ворами, не будьте убийцами, не будьте клеветниками, не будьте насильниками" и т. д. Церковь же предъявляет максимум, выставляет высшую меру требований: "будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный".

Ясно, что при таком положении вещей церковь должна влиять на государство, что она в муть наличной жизни человеческих государств, считающих себя христианскими, обязана вносить очищающее и оздоравливающее начало Божией правды и любви. Но, с другой стороны, не менее ясно и то, что подобное влияние, воздействие и господство церкви должно быть исключительно *нравственным, духовным, без всякого внешнего гнета, насилия и принуждения*, по слову Христа: "Бог есть Дух, и кто кланяется Ему, - *духом и истиною* должен поклоняться".

Церковь может быть гонима, но сама гнать никого не может. Ее могут преследовать и всячески теснить, но ей должна быть чужда и тень какого-либо насилия. Единственная сила ее есть сила свободного и животворящего Духа Божия, а власть ее - власть обаяния этой Божией силы. "Сын Человеческий пришел не погубить, а оживить, и не затем, чтобы Ему служили, а чтобы послужить", - говорил Иисус Христос.

Эти евангельские начала истинно-Христовой Церкви средневековым христианским духовенством были забыты. В позднейшие, после апостольских, века духовенство стремилось не столько к тому, чтобы служить миру духом

Христа, Сына Божия, сколько к тому, чтобы господствовать и властвовать над миром силою духа сынов чисто человеческих. Духовенство из своего высокого служения сделало не высший апостольский доле и подвиг, а высшую привилегию, преимущественное достоинство. И достоинство и преимущество чисто внешнее, без всяких внутренних, религиозных высоко-христианских качеств. Высокие и вечные интересы чистой Божией Церкви были заслонены низменными и человечески-мутными, временными интересами духовенства. Получилась ужасная подмена: не духовенство служило церкви, а церковь была обречена на службу духовенству.

В Венеции, во дворце дожей, есть, между прочим, картина, изображающая свидание германского императора Фридриха Барбароссы с римским папою Александром III. Фридрих Барбаросса сначала долго боролся с папами за политическую власть в Италии, потом был разбит, попал в затруднительное положение и вынужден был у папы униженно просить мира.

На картине представлен *собор* св. Марка в Венеции. На крыльце собора, на верхней ступени, на пышном троне среди дожей сидит папа Александр III. Император Фридрих Барбаросса стоит на коленях и раболепно целует у папы ногу.

Подобная картина может быть рассматриваема как символ целой эпохи. Духовенство церкви целые века занимало такое положение, когда остальные члены церкви должны лежать у ног их. И это время почему-то рассматривается, как время господства церкви. Печальное заблуждение! Грубое недоразумение. Никакого господства церкви тут не было. Было господство духовенства и господство внешнее, а церковь, живая Христова Церковь, переживала тяжелые дни унижения.

Обратимся еще раз к описанной картине свидания папы Александра и Фридриха Барбароссы. Разве тут встреча церкви с миром и торжество духа Божия над человеком? Последнее было бы, если бы папа Александр взял за руку императора Фридриха Барбароссу, подвел его к подножию Распятия, и оба бы опустились на колени перед воплощением Высшей Небесной Правды и Любви, дав искреннее обещание посвятить впредь все свои силы на дело укрепления не императорской или папской власти в Италии, а власти Христа Спасителя в человеческих сердцах.

Вот, это было бы, действительно, торжество церкви, а так, преклонение пред папой, патриархом или митрополитом, это - торжество не церкви, а на пороге церкви, во имя якобы церкви, торжество духовенства. В этом торжестве духовенства за счет живой Христовой Церкви - страшный исторический грех церковного клира перед церковью, перед чистою идеею ее и перед христианским обществом. Отошла в тень церковь, и выступило вперед духовенство.

Дальше путаница и "грех" должны были еще более расти и расширяться. Внешнее преимущество духовенства, его привилегированное положение сделали служение в рядах его внешне очень привлекательным. В руках духовенства получились всеокрушающая власть, несметные богатства и громадный внешний блеск и почет. Все кто ценил это высоко, т.е. те, кто менее всего подходил под условия апостольского служения, - те и потянулись в ряды духовенства. В результате - ужасная картина страшного духовного падения духовенства при полном наружном блеске и могуществе.

Жутко читать отзывы современников о духовенстве во времена так называемого господства церкви. В пятнадцатом веке папский легат, кардинал Юлий Цезарини писал папе Евгению IV: "Вне всякого сомнения, нравственное падение духовенства достигло таких размеров, что почти оправдывает ту ненависть, какую питают к духовным лицам миряне".

Менее ста лет спустя сам уже папа, Адриан IV, в официальном наставлении, данном легату Франциску Киерегазе, пишет: "Нам неизвестно, что даже вокруг самого папского престола уже давно совершаются большие мерзости. Церковные злоупотребления и *избыток власти*, - все направлено ко вреду. И порча распространилась от головы к членам, от папы к прелатам".

Один из самых страстных защитников строгого католицизма, кардинал Джовани Пьетро Караффа, жаловался в 1532 году папе Клименту VIII на "невыносимую, достигшую крайней степени неспособность, недостатки, невежество и косность священнослужителей" (Филиппсон: "История контрреформации").

Кардинал Марк д'Альтемп, племянник папы, на соборе в Констанце откровенно сознавался, что "причина неустройств времени кроется в преступлениях, лени и чрезвычайной небрежности к своему делу, пастырскому служению, духовенства".

Подобное положение вещей вызывало, конечно, вполне заслуженное негодование и возмущение со стороны лучших мирян, верующих членов церкви. Раздавались голоса укоризны против духовенства. Тогда недостойное духовенство пряталось за авторитет церкви и своих обвинителей и порицателей обвиняло в хуле на святость церкви, смешивая, таким образом, в одно свое недостойное с достоинством церкви.

С другой стороны, так как, по своей полной внутренней несостоятельности, у духовенства не было духовных сил поддержать нравственный авторитет церкви перед миром, то оно вынуждено было прибегать к чисто внешним мерам, - ко всякого рода насилиям, угрозам, страху проклятий. И таким образом недостойное духовенство из светлых глашатаев - апостолов Евангелия миру - обратилось в мрачную тень, застилающую чистый божественный

лик Иисуса Христа от духовных очей верующих.

Все это раздражало мыслящих и чувствующих мирян, вооружило их против духовенства, отталкивало от церкви. Духовенство отвечало новыми насилиями, новым гнетом, новыми мерами *внешнего* воздействия. Вместо нравственных усилий, для собственного духовного подъема, духовенство стремилось к насильственному подавлению всякого светлого требования, живого чувства и свежего ума.

Народилась инквизиция, загорелись костры, где сожигались и еретики, и еретические книги. И все - якобы во славу церкви, а на самом деле - ради защиты грубых личных интересов отсталой во всех отношениях касты, позабывшей свое высокое назначение.

Негодование общества доходит до крайнего напряжения и прорывается в массовом отделении от *господствующей* католической церкви.

Замечательная подробность: отделяются не вообще от церкви, как церкви, а отпадают от церкви *господствующей*. Возмущаются против несправедного, незаслуженного, насильственного и внешнего господства. Жаждают свободы, свободы духа. Требуют, чтобы церковь не насильственно влекла к себе и внешними оковами держала, а располагала к себе любовью, будила свободное тяготение, воспитывала в членах церкви внутреннюю преданность.

Борьба за свободу духа, возмущение насильственным гнетом духовенства кончились поражением. Поражением и разгромом, я сказал бы не средневековой церкви: церковь во все века едина, а поражением средневекового духовенства, разгромом его незаконных, неправдою захваченных и насильственно поддерживаемых внешних прав и преимуществ.

Тяжелый исторический урок некоторую долю пользы духовенству принес. Западно-европейское духовенство после реформации как бы встряхнулось, сознало необходимость некоторой внутренней чистки, но полного оздоровления все-таки не произошло.

В глубь всего духовного клира не проникло сознание, что истинная сила, стойкость и величие церкви - во внутренней ее святости, что церкви не нужны никакие внешние опоры, поддержки и охранения, что церковь несокрушима сама по себе.

В духовенстве, как в особом сословии, не оказалось надлежащей веры во внутреннюю мощь церкви, клирики чувствовали свою духовную слабость, познавали недостаток нравственных сил и свою личную, сословную немощь перенесли на церковь. Стали искать внешней опоры, внешней поддержки для нее.

Средневековая церковь, мечтавшая о политическом, видимом господстве над государством, в позднейшие века вступила в союз с государством, прибегла к покровительству его.

Так определяется обыкновенно смена положений. Я в это определение внес бы только одну поправку, как это делал и ранее: церковь заменил бы духовенством. Новый грех, якобы, церкви, был в сущности, старым грехом духовенства.

Старый грех только отлился в новую форму. Клирики то надеялись господствовать внешними мерами, то обращались за поддержкою к внешним силам.

Этот новый исторический грех клириков был, пожалуй, еще более тяжким, чем старый. Прежний грех сковывал гнетом насилия все, что было *вне* церкви, выходило из рамок ее; ставил на все свою оценку. Новый грех сковывал самое церковь, обесценивал ее. Лишал ее внутренней свободы, принижал ее высокое значение духовного вождя, руководителя человечества, и навязывал ей служебную, как бы полицейскую, роль в государстве. Государству такое зависимое положение церкви было как нельзя более желательно. Оно значительно увеличивало его силы, почему многие государственные деятели всех стран и были всегда защитниками и охранителями религии, хотя сами лично, и не верили ни в кого и ни во что. Они смотрели на религию с чисто полицейской точки зрения, как на крайнюю вспомогательную, сдерживающую, охранную силу.

Выразителем такого государственно-полицейского взгляда на религию был древний римский правитель во времена еще до Христа, который говорил:

- Если бы богов не было, их надо было бы выдумать.

Смысл этих слов был такой: "Народная масса - это стадо. Глупое и грубое стадо. Им можно и нужно управлять только палкою, дубиною, угрозами и вообще страхом. Но случается, что разъяренное стадо перестает уже бояться земных и человеческих угроз, - тогда полезно его пугнуть небесным страхом, гневом божества".

Но если для государства подобный тесный союз с церковью желателен и крайне выгоден, то для самой церкви он является тяжким укором и принижением. Променой первородства неба на чечевичную похлебку.

У церкви свой царственный путь, и она, не роняя своего достоинства, не может считаться с государственными нуждами той или другой страны, того или другого времени, применяться к ним. Она должна вникать во все, все видеть, обо всем болеть и все освящать, но *ничем ни рада чего не поступаться*. Церковь должна будить силы государства и направлять их на служение Богу, но никогда и ни в каком случае не должна прислуживаться.

Обречение церкви на служебную роль государству в его чисто земных и человеческих задачах есть кощунство, тяжкий и смертный грех тех, кто его творит.

И вот, после греха насилия и внешнего гнета, чистая и непорочная Невеста, Христова Церковь, была не раз опорочена и грехом внешнего подчинения.

Клирики того или другого времени словно забывали слова Спасителя, что даже "врата адовы не одолеют церкви", и, боясь случайных бурь и невзгод, обращались к внешней поддержке государства. Требовали внешней государственной охраны и защиты церкви и за то, в свою очередь, обещали быть и, действительно, бывали полезны в охране уже не церковных, божеских, вечных, а чисто государственных, человеческих, временных интересов.

Церковь, или, опять, лучше сказать, духовенство, того или другого времени под флагом церкви, в своих личных, классовых интересах, вмешивалось в ожесточенную борьбу партий и сословий и держало не непременно сторону правых, а часто сторону сильных и властных.

На светлый божественный лик Христовой Невесты набрасывалась новая тень. Люди, действующие от имени якобы церкви, то там, то здесь являлись не поборниками гонимой правды и бесправной, но вопиющей к небу о защите той или другой "тесноты", а сторонниками и пособниками торжествующего гнета и насилия.

Отсюда - новое недоразумение, новое обвинение церкви. Новый грех не понимающих своего высокого служения клириков записывается за счет позорно представляемой ими церкви, и церковь начинает многим рисоваться как оплот реакции, насилия и бесправия.

Собственно, если бы подобные клирики вдруг приобрели тонкий духовный слух, то они услышали бы голос истинной церкви, говорящей им слова Иисуса Христа: "Отойдите от Меня делающие беззаконие, Я не знаю вас".

Но они "имеют уши и не слышат", и остаются, и творят свой грех, а тысячи чутких, но слабых в вере и колеблющихся душ глубоко смущаются этим и отходят, унося горечь и раздражение против церкви.

Получается повальное, круговое, роковое недоразумение, которое усиливается и обостряется еще более, когда получают власть вершить судьбу и делать "историю" люди, озлобленные и раздраженные якобы церковью. Тогда припоминаются все старые счета и начинается расплата. Расплата не спокойная, не беспристрастная, а возбужденная, с лихвой, с процентами мщения.

Такое подведение старых счетов, расплату за грехи клириков мы и наблюдаем: в наши дни в борьбе французского правительства, я снова повторяю, по существу, не с церковью, а с монашескими общинами и с духовенством во Франции.

Несколько лет тому назад в Петербурге образовалась частная маленькая, если так можно выразиться, семейная школка. Около пятнадцати-двадцати интеллигентных семей, большею частью из профессорского, литературного и вообще не чиновничьего мира, доведенные до отчаяния невозможною, противоестественною, как выражался один из отцов-учредителей, постановкою учебного дела в нашей казенной школе, решили своим тесным кружком устроить собственную домашнюю школку.

Преподавание различных предметов взяли на себя многие отцы и матери. Казенщина, рутинность были забыты.

Имелись в виду не натаскивание, не подгонка под сухую чиновничью программу и не мертвая зубрежка, а прочное и разностороннее духовное развитие, пробуждение живого умственного интереса к знанию, к науке, к искусству, к людям с их горестями и исканиями высшего, вообще, ко всему живому и достойному жизни.

Дело сразу наладилось, стало на твердый: и верный путь и пошло прекрасно. Оставался открытым вопрос о преподавании Закона Божия, о законоучителе. Нечего греха таить, - большинство родителей, люди либеральных профессий, и на религию, на вопрос о преподавании Закона Божия смотрели "либерально", лично мало интересовались и, пожалуй, ничего не имели бы, если бы этого предмета и совсем не было. Обойтись, однако, без Закона Божия было неудобно. К тому же некоторые родители-учредители и сами сознательно считали религиозное образование необходимым. Хотели только, чтобы законоучитель их школки не был "законник" и "книжник", человек учебной книжки, буквоед-зубрежник, требующий и довольствующийся заучиванием учебного материала, головным усвоением сухих и мертвых изречений, фактов и пояснений. Они искали пастырь-воспитателя, который бы мог влиять религиозно на выработку внутреннего мира детей, удовлетворял бы и запросам пытливого детского ума и еще более зажигал бы священным одушевлением, неослабным стремлением такие чуткие, такие мягкие, такие пылкие, способные к восторгу сердца детей.

Требования и запросы были вполне естественные, но не легко исполнимые. Законоучительство у нас в большинстве случаев не выше всякого другого учительства. Стоит на уровне ремесла и почти ничего общего не имеет с живым творческим искусством созидания, развития и укрепления религиозного чувства и соответствующей закалки воли в учащихся.

Родители и учредители своей домашней школки хотели законоучителя - не ремесленника. Искали, узнавали, наводили справки, вели переговоры и, наконец, решили, что нашли.

Начались занятия. Выбор оказался удачным. Пастырь-воспитатель клал в свое дело всю свою душу, горел святым огнем среди детей и зажигал их тем же.

Многие родители присутствовали на первом уроке и благодарили батюшку. На второй урок пришли опять. На третий - тоже. На четвертый, на пятый, на шестой. Законоучитель стал смущаться. При встрече со мной как-то

недоумевает:

- Что они все ходят? Проверяют, что ли, меня, следят? Не доверяют мне? Боятся, что я нежелательно для них дело поведу? Вот такой-то, например, такой-то, или такая-то. Ведь я отлично знаю их образ мыслей и отношение к религиозным вопросам: люди глубоко равнодушные. Чего же ради они сидят у меня на уроках? Мне становится неловко. Я даже думаю, уж не оставит ли мне их школу, хотя и жаль детишек: очень уж живо откликаются. Словно все их души на горах. Только крикнешь что душой, - так эхом сейчас и пойдет перекачываться.

Я встретил потом названных родителей, передал им о смущении их сотрудника-пастыря и спрашиваю:

- В самом деле, для чего вы постоянно сидите на уроках Закона Божия?

- Для себя, - отвечают все в голос. - Дети в восторге от уроков Закона Божия, а мы лично еще более. Нам эти уроки, кажется, еще полезнее, чем детям.

- Я ведь об уроках Закона Божия имела совсем иное представление, - заговорила одна мать, довольно известная женщина-врач. - И теперь слушаю с удовольствием. Вы не поверите, а у меня, небывалое и невероятное дело, дома, за обедом и за вечерним чаем, с сыном-школьником постоянно идут самые горячие разговоры о Боге.

- Да, - прибавил другой отец, - я думаю, что будь у меня в детстве такие, как теперь у сына, уроки Закона Божия, я сам был бы другой, на многое смотрел бы по-иному, а то что у нас было?..

Отец грустно махнул рукой.

Приведенный случай я подробно рассказал для того, чтобы показать, что живое искреннее слово о живом Боге, о живом Божием служении жизни всегда найдет живой отклик во всякой живой душе, а если почему-либо душа замерла, то живое слово и оживит ее. Во всяком случае, оно, за редким, может быть, болезненным, исключением, не оттолкнет от себя, а привлечет.

Названные люди, родители, часть их, были ведь равнодушны к религиозным вопросам, может быть, даже враждебны. Относились с пренебрежением. И вдруг их потянуло к "Закону Божьему". Чем объяснить? Личностью священника? Его особыми достоинствами? Ими одними?

Конечно, нет. Потянула истина. Вдруг раскрытая и понятая, учуянная частица даже ее. И так и должно быть. Люди ведь ищут истины. Жаждут ее. Мучительно тоскуют о ней. Бьются за нее. Идут на жертвы, готовы умереть за нее. Как же может быть, что религиозная истина, высшая истина, истина уже не человеческая только и земная, а Божья, небесная вдруг отталкивает от себя, отстраняет?

В школе ведь, вот, она потянула к себе. В жизни также мы знаем отдельные случаи. А в массе этого не видим. В массе - холодное равнодушие, порой пренебрежение, а то и явно враждебное отношение. Дело доходит до того, что после, Бог знает скольких, веков христианства в стране, правительство государства вступает в открытую борьбу с вмешательством церкви в общественную жизнь. Правительство целого многомиллионного и просвещенного передового народа закрывает церкви доступ к влиянию на жизнь и говорит:

- Отойдите в сторону. Мы вас не знаем и знать не хотим. Вы нам не помощники. Мы с вами не желаем иметь общего дела.

Как это могло случиться? Почему то же правительство не ведет такой же борьбы с искусством, с наукою, с промышленностью? Не ведет такой ожесточенной борьбы даже с пьянством, с дурной болезнью и другими бичами человечества?

Скажут, тут действуют франкмасоны: им ненавистна церковь. Иные прибавят еще, может быть, что все это - влияние еврейства, разъедающего-де современную Францию. Не стану спорить, не буду даже разбирать. Если принять даже все это целиком, - вопрос остается в силе: почему же в христианской стране противохристианские влияния оказываются могущественнее, чем христианские? Как может быть, что не церковь влияет на масонство и еврейство, превосходя их внутреннею победною силою, а сама уступает им влияние?

Объясняют еще борьбу против церкви во Франции личными свойствами людей, стоящих во главе правительства. Говорят, - Комб - расстрига, бывший священник, ренегат. Примем и это, но отсюда только новый вопрос, новое недоумение: почему же человек большого ума, недюжинных, несомненно, способностей и сильной воли, человек, способный пробиться из скромного бывшего священника до положения первого министра в стране, почему он, воспитанник церкви, ученик церковной школы, свои таланты и силы отдал не на служение церкви, а понес их в лагерь врагов ее, отдал на борьбу с нею?

Как же воспитывали его в церковной школе? Как влияли на него? В каком виде рисовали ему церковь, ее роль и задачи в жизни? На какое дело направляли его самого? Я знаю такой случай (дело было не во Франции, но страна тут безразлична). Случай в своем роде не единичный, но случай ужасный и в своем роде зловеще-знаменательный.

Питомцы духовного, церковного учебного заведения, будущие клирики, недовольные внутренним строем школьной жизни, учинили разгром. Разгром был нечто ужасное. Будущие клирики не тронули ни начальства, ни учителей. Они ворвались в свой домовый храм, разнесли алтарь и совершили ряд диких ужасов.

Когда я впервые это узнал (скажу, дело было в Испании), мне стало жутко не столько от минутного погрома в храме, сколько от долгого, многолетнего погрома в душах несчастных будущих клириков.

Заметьте, погромщики не били стекол в квартирах своих воспитателей, не бросали камнями в последних, - они разнесли алтарь.

Что это за ужасная была духовная школа, каким духом она была проникнута, если она посеяла и воспитала в своих питомцах такую злобную ярость, такую дикую ненависть не к лицам уже, а к алтарю, к престолу, к церковной святыне, к Самому Богу! Что это были за духовные воспитатели, руководители молодежи, которые довели ее до подобного безумия?

Когда-то апостолы, по неразумению, не пускали детей к Иисусу Христу, и Христос Спаситель сказал:

- Не препятствуйте. Пустите детей приходите ко Мне.

Вспоминая эти великие слова Сына Божия и применяя их к ужасному случаю в Испании, чувствуешь, что в сердце каждого знающего, что такое истинная церковь Христова, накапливает крик в сторону тупых и головой, и сердцем воспитателей будущих клириков:

- Что вы делаете? Вы озлобляете людей против Бога и против церкви. Отойдите прочь! Не препятствуйте людям идти к Богу. Не будьте стеною там, где нужны свободные двери!

Не встретил ли и Комб в своей духовной школе такой глухой стены на своем пути к Богу? А затем раздвиньте шире рамки, возьмите не школу только будущих клириков, а вообще духовное водительство всего народа и предположите, что и тут по дороге к Богу повторяется та же история. Вместо свободной двери, - глухая стена!

Разве тогда не станет понятным, почему в целой стране накопилось столько раздражения, негодования, вражды и даже злобы против "алтаря"?

Будь я приглашен в среду французского духовенства на собрание по поводу борьбы Комба с церковью и имей я там право голоса, - я сказал бы:

- Дорогие собратья, отцы и архипастыри! Возмущаться и негодовать здесь - мало. Метать "анафему" и отлучение - бесплодно. Вопиять о растлении времени - значит обвинять себя. Как же вы допустили целый народ, всю свою паству до растления? Где же Ивы были, что делали, когда души ваших пасомых растлевались? Чем занимались вы?

О чем думали? Куда направляли свои и заботы и попечения?.. Посмотрим на себя: жизнь и время, действительно, больны, а мы, пастыри, должны бы быть, если, конечно, не единственными, то, несомненно, первыми врачами при больных. Но скажите по совести, по иерейской, пастырской совести: с кого надо, неотложно надо начинать лечение, с паствы, или с нас самих, с духовенства? Не будет ли уместнее всего наши суждения о пастырской борьбе в за-щиту *истпшой и свободной* Христовой Церкви, *не ведомства духовного*, а живой Христовой общины, начать евангельским словом:

- Врачу, исцели себя!

Эту нужду в самоисцелении я отношу не к отдельным лицам духовенства, а к целому сословию. Требуется не личное только обновление и духовное усиление, а общесословное. В частности, отдельные лица могут быть и бывают очень прекрасны. Их личные человеческие добродетели велики и всеми признаются, но пастырское служение требует больше.

Пастырство есть духовное водительство, *предводительство*. Предводительство целого народа, всей страны, жизни многомиллионного народа. Невежеству, косности, мергвечине, духовной спячке тут не может быть места. Христова правда, глубина и ширь Царства Божия беспредельны.

Никакое время не может сказать, что оно уже *всю* правду Христову раскрыло, что дело Царства Божия в людях осуществило. Предстоит громадное и безконечное движение вперед. Поэтому жизнь истинной, живой церкви и живая работа духовенства, как апостольского служения, а не служилой касты, должны проявляться в неустанном расширении духовных горизонтов народа и в возможно быстром движении всей вверенной паствы в сторону Царства Божия, где с каждым новым шагом исчезают и тают насилие, всякое рабство, неправда, злоба и беззаконие и где на смену им встают и растут: свободное влечение к Богу и к Божьей правде, взаимное братство и торжество духа.

Выходит, что духовенство должно быть самым передовым сословием. Сословием, которое бы вело всех за собою, а не плелось в хвосте. И когда оно ведет, то чтобы вело не скованных рабов, а свободных и любящих сынов, друзей-учеников.

Христос Спаситель внешней силой никого к Себе не влек и залученных в круг его учеников *насилием* не удерживал. Он привлекал к Себе богатством Духа Божия, силою и красотой евангельской правды. И история показала, что это-единственный путь и средство завоевания душ людских.

Мы знаем, что насилие гнало мучеников от Христа, и они, несмотря на гонения, не отходили от Него. Вот это - привязанность, это - нерасторжимость. И будь такая сила Божия, такая чистота евангельской правды в пастырском служении, - никто, никакие Комбы от духовенства не отняли бы ни школьного, ни общественного, ни политического влияния, да и не стали бы отнимать. Не захотели бы. И не подумали бы: в голову не пришло бы. Зачем? С какой стати! Целое сословие, тысячи избранных людей страны, люди высшего разума жизни напрягают все усилия, чтобы двинуть народ и народную жизнь вперед, улучшить ее самым лучшим образом: внести в нее общее внутреннее примирение и высшую законность, раскрыть всю полноту духовных сил страны.

Да ведь это же мечта людей всех партий! Такое служение, такую работу с восторгом встретят и верующие, и неверующие

Иное дело, когда Комбы видят, что духовное сословие стремится поставить над страной свое ударение не "по природе", а "по положению", что оно преследует не беспредельно-широкие Божии цели, а узко-сословные свои и ради этого готово, вопреки голосу Бога, дружить и с властным насильником, а слабого и незащитного, хотя и правого противника угнетать, - тогда вражда и борьба неизбежны. Но чтобы выйти с торжеством из этой борьбы, - надо победить не Комбов, а свою узость, свою косность, свое невежество и духовную тупость. Надо выискывать не слабые стороны политики Комба, а усилить свою "политику", сделать ее действительно *церковною* политикою, т.е. политикою евангельскою, Христовою.

Не знаю, как приняли бы мою речь на собранш французские собратья, но другого решения борьбы, начавшейся между государством и церковью, нет.

История западно-европейских государств показывает, что духовенство некоторых стран пыталось поддержать свою прочность иными средствами: не внутренним усилением, а внешнею поддержкою, прибегало к покровительству сильной политической власти. Это еще больше ухудшало дело: окончательно мешало ему, хотя и слабой, свободной Божьей работе, делало чужим приспешником в чужом для церкви деле и надолго парализовало духовные силы.

С этой стороны разрыв французского правительства с церковью, чем несколько уже лет грозят Комбы во Францш, - на стоящей, живой Христовой Церкви не страшен. Я сказал бы более: этот разрыв желателен. Разумею только разрыв не злобный, с затаенною мыслью о мщении, а разрыв-разобшение, разрыв-свободные руки.

За церковь бояться нечего. Сила ее - не в поддержке того или другого министерства. Равно и гибель или ослабление ее отнюдь не зависят от разрыва каких-то конкордатов, договоров и других бумажных условий.

Некогда, как мы читаем в книге Деяний апостольских, синедрин Иерусалима обсуждал меры борьбы с народившимся учением Иисуса Христа. Мудрый Гамалиил сказал об апостолах: "Отстаньте от людей сих и оставьте их, ибо если это предприятие и дело это от человеков, то оно разрушится. А если оно от Бога, то вы не можете разрушить его".

В комбовской истории истинным друзьям истинной церкви в успокоение можно сказать слова Гамалиила наоборот: "Оставьте страхи, даже и раздражение. Это гонение, эта борьба - не к смерти, а к славе Божией. Что истинно Божие, то крепко, сильно и вечно-живо. Того никаким Комбам не разрушить. А что погибнет, - то, стало быть, не Божье. То - примесь человеческая. То - гниль, уродливый нарост, Его и нечего жалеть. Наоборот, надо радоваться, что Божье, якоже, очистится от людского".

Так что, рассуждая спокойно и с точки зрения интересов *чистой* церкви, - вся история Комбов, и до-Комбов, и после-Комбов есть только спасительный, необходимый и, если хотите, - исторически заслуженный, урок, встряска сонным работникам церкви.

- Вы все спите и поживаете, - говорил Иисус Христос сонным ученикам в Гефсиманском саду.

Эти слова Спасителя жизнь повторяет и позднейшим работникам Христова дела, когда они засыпают. Повторяет жизнь борьбою со стороны Комбов и теперь. И слава Богу, что повторяет. Комбы растолкают спящих, отсеют шелуху и отбросят все, что не служило церкви, а кормилось около нея.

Число работников уменьшится, но за это будет испытанная и закаленная гвардия. Она лоновому, с новой силой и широтой будет делать "старое", вечное Божие дело и тем нравственно воздействует даже на своих былых идейных противников.

Вечная Божия истина-едина, и все, кто искренно стремятся к ней, рано или поздно неизбежно сойдутся в ней, а до того всех будет впереди и за собой поведет остальных тот, кто сам к этой истине станет ближе, кто бодрее пойдет в сторону ее и у кого шире будет шаг.

Голос Церкви.

Голоса мирян:

I. Иван Сергеевич Аксаков.

Известный славянофил, Иван Сергеевич Аксаков, искренний и горячий патриот, человек глубокой веры, истый москвич и по месту жительства, и по духу, оставил после себя ценное духовное наследство, ряд, и ряд длинный блестящих по форме и основательных по содержанию убежденных статей.

Статьи эти писались на протяжении десятков лет, многим насчитывается уже лет по сорок и более, но, несмотря на это, значительная часть их имеет и для наших дней не менее значения, чем для своего времени. Так спит наша жизнь: прошло сорок - сорок пять лет, а требования жизни, ясно сознанные и сильно выраженные тогда, все еще и для нас остаются требованиями, ждут своего исполнения. И о них снова приходится писать, снова и снова настойчиво повторять.

И какия требования? Не разрушительные, не идущие в разрез с коренными основами жизни страны и русского народного духа, а наоборот, из этих основ и этого духа вытекающие. И кем эти требования высказывались? Не зеленым, незрелым юношей, не сторонником каких-нибудь налетевших шквалом временных социальных и гюлитических учений.

Иван Сергеевич Аксаков, как и его друзья, брат Константин Сергеевич Аксаков, Хомяков, Киреевский и Самарин, до конца жизни не уставали доказывать и отстаивать высокую ценность самобытных начал русского духа. Они поняли и силою своего таланта, трудами серьезной научной мысли ярко подчеркнули, что Западная Европа в культурном отношении сделала много, раскрыла великия глубины человеческого духа и тут во многом далекоадалеко опередила нас. Нам надо у нее учиться и догонять. Но Европа сделала *не все*. Достигла не крайних вершин культур. Многое остается еще даже не высказанным, не сознанным, не намеченным. Еще более не сделанным. Все это дело будущего. Для Европы - дело новых, грядущих времен. Дело и новых людей, нового народа, новых племен. Таким племенем, по убеждению Ив. С. Аксакова и его друзей, было племя славянское. Таким народом - народ русский, самый могущественный из всех славян.

В глубине славянского, чабтнее, народного русского духа, по убеждению Ив. С. Аксакова, равно и его друзей, кроются удивительные, несказанной мощи, глубины и красоты силы. История человечества в прошлом проявления таких великих сил духа и проявления в сторону добра, в сторону служения истине и осуществления Царства Божия в людях, еще не видела. Не было подходящего, столь многострунного с мягкими и нежными тонами музыкального инструмента, необходимаго для исполнения величайшей симфонии общечеловеческого братства и полного торжества целокупной Христовой правды в мировой жизни.

Желанный этот многострунный инструмент с мощными и вместе бархатными звуками Ив. С. Аксаков видел в русской народной душе.

Когда раскроется, развернется во всю свою ширь, мощь и глубину русский народный дух, когда заговорит пробужденный от векового насильственного сна русский народный разум, когда запоет свою песню освобожденное от всяких внешних пут и наростов широкое и многострадальное русское народное сердце, - какое новое слово тогда услышит человечество! Какия великия, истинно великия дела увидит мир! - говорит убежденно И. С. Аксаков.

- Но все это, - добавляет он же и его друзья, - будущее, дело грядущего. Будущее не для Европы лишь, а и для самого русского народа.

Русская народная душа представляет собою неистощимый пласт самага плодородного чернозема. Посади в него хоть крохотное доброе зерно, он не даст этому зерну захиреть, не выростит его коекак: он даст ему всю полноту сил, нальет его соками, расцветит его всеми возможными и свойственными ему яркими красками.

Но эти зерна добра в черноземную народную толщу надо бросать. Мало бросать, - их надо сеять. Самый чернозем души не оставлять лежать: его надо пахать и пахать глубже. Вызывать к жизни плодородные силы из самой глубины.

Отсюда горе И. С. Аксакова и его друзей, что богатейший в мире "чернозем" лежит в большей своей части заброшенным пустырем. Отсюда же и заботы их, чтобы для обработки черноземной народной толщи духа был употреблен и самый глубокий плуг, и самое лучшее, отборное, полновесное зерно.

Жизнь историческая выдвигает самые разнообразные и сложные требования, задачи, нужды, и дух человечества волнуется самыми различными вопросами и недоумениями. Большинство их, конечно, очень важны, остры и жгучи. Многие неотложны. Для известного времени, для данной минуты - вопиющи. Но несмотря на всю их ценность, они могут быть ценны только именно в данную минуту. Ценность их временная, случайная, злободневная. Есть ценности более дорогие, ценности вечные, общечеловеческие. Ценности важные не только для нас, например, для нашего народа сегодня, или в эти последние годы, а ценности важные для всех народов и во все времена.

Для хранения, для осуществления в жизни ценностей, соответствующих силе и достоинству русского народного духа, Ив. С. Аксаков намечает, естественно, ценности высшие, ценности вечные, общечеловеческие.

Содержание, богатство ценностей временных, местных, злободневных могут раскрыть и другие европейские народы, - рассуждает Ив. С. Аксаков.-Это дело, конечно, тоже великое и нам не менее других необходимое, но оно исполнимо и без нас. Нам всю силу народного духа на это отдавать непристойно.

Нам нужно взять глубже. Взглянуть в самую основу сути жизни. Поднять и полностью решить такие вечные и общие вопросы, после решения которых сами собою решатся и все остальные частные и злободневные вопросы. Поэтому желанным словом, которое И. С. Аксаков и его друзья намечают русскому народу, как должествующее быть сказанным, они считают не слово политическое, не слово социальное, а слово религиозное.

Слово политическое и слово социальное есть слово внешнего устройства жизни. Оно решает и улучшает внешний распорядок, наружное взаимоотношение людей, сословий, правительства и народа. Аксаков не пренебрегает этим словом. Он понимает, что тесный сапог может намять ногу, натереть мозоли и причинить нестерпимую боль, при которой все другое будет забыто, а мысли сосредоточатся на одном тесном сапоге, как бы избавиться от него и как бы добыть себе более просторный и свободный сапог. Но вместе с этим Ив. С. Аксаков не останавливается на плохих сапожниках и на тесных колодках. Он идет далыпе. Он ставит вопрос, почему в сапожнике нет должного внимания к своему делу? Будутели другие сапожники шить лучше? И если бы мы сами, случись так, получили возможность "обшивать" других, кроить для них жизнь, вырабатывать внешние формы жизни, то сумели ли и захотели бы заботиться болыле всего об удобстве чужих ног, смогли ли бы вывести все мозоли жизни?

Социальное и политическое слово, разумеется, слово улучшения, совершенства жизни, роста и развития ее, приносит, конечно, значительное и в высокой степени необходимое облегчение общественным и народным тяготам, напастям и бедам, но они, до корня, до сердца человеческого не доходят.

Все человечество, а в нем, как его части, и общества, и народы болеют двоякого рода болезнями: внешними и внутренними. Социальное и политическое слово целят и врачуют внешние болезни, а внутренние болезни исцеляются словом религиозным. А так как внешние проявления болезней зависят, прежде всего, от внутреннего благосостояния или неблагополучия организма, то религиозное слово властно действует и на внешнее положение, если оно, конечно, говорится только живою силою, исходит из сердца, а не бормочется устами, как пустой, холодный и мертвый звук. Оно, слово религиозное, таким образом является широким словом, заключает в себе и слово политическое, и слово социальное, очищает, облагораживает, смягчает сердце человеческое, а чрез него улучшает и жизнь, внешние формы и распорядки ее.

Но понятно тогда, что это религиозное слово, которого так страстно ждали от русского народа и в которое так убежденно верили Ив. С. Аксаков и его друзья, должно быть сказано со всей присущей этому слову силою, жизненностью и чистотою.

Народная русская душа представлялась Ив. С. Аксакову и его друзьям как самое совершенное и безупречно правильное зеркало, в котором в одном, предпочтительнее перед всеми другими "зеркалами" европейских народов, во всем своем величии и чарующем блеске может перед взорами всего остального человечества отразиться Христос и Его вечная евангельская правда. Если же на этом зеркале наслоится пыль или оно от кривой рамки, оправы приобретает изогнутость, то, естественно, что Ив. С. Аксаков и его друзья считают это величайшим несчастием, о котором тяжело болеют сердцем и о котором говорить, а если нужно, то и кричать-считают долгом своей совести.

Как же иначе? Русскому народу вверена величайшая святыня. Его историческая задача-раскрыть глубины этой святыни, очаровать, увлечь ими мир, а в силу случайных, исторических причин, человеческих слабостей, ошибок и заблуждений, эта святыня вдруг отражается неправильно.

Самато в себе она остается неприкосновенна. Ее повредить, исказить, изуродовать нельзя. Но отразить ее криво, уродливо в себе люди, конечно, могут. И эту святыню истины, сознательно или бессознательно, могут исказить, да на самом деле и искажают, самые близкие и почемулибо дорогие нам люди. Что же тут делать? Молчать? Замалчивать случайное уродование, искажение святыни? Жалеть людей? Бояться оскорбить их, огорчить? А святыни правды вам не жалко? Что искажение ее исказит жизнь, - этого не страшно? И в томъли, наконец, любовь к своему народу, чтобы видеть ошибки его, его недуги и уклонения от Божьего пути и молчать? Не говорить ему о них? Успокаивать его ложными речами? Тешить подлою лестью?

Ив. С. Аксаков и его друзья были не льстецы народа, а его преданные и верные сыны. Поэтому они не только горячо говорили русскому народу о заданной ему Божьей правде, но они искренно высказывали и всю правду о допущенных уже народом неправдах.

Они в основу русской народной жизни клали религиозные устои, много, пожалуй, болыые всего, писали о церкви, о значении ее, но они же горячо говорили и об уклонениях русской религиозной жизни от царственного пути истинной Христовой Церкви, о вялости ее, о въедающейся в нее мертвой казенщине.

У Ивана Аксакова, например, церковным вопросам посвящен целый том статей. Есть статьи о церкви и в других томах. Всего из шести, примерно, тысяч страниц около тысячи страниц о церковных современных делах. И из этой тысячи страниц наберется почти половина, где он говорит не о том, что хотелось бы видеть в русской церковной жизни, а о том, чему не следовало бы иметь места. Говорит об этом с болью души, с надрывом, но не может не

говорить.

Душевная боль любящего сына церкви и родины усиливается еще тем, что его «юли часто не понимали, осуждали ее, требовали, чтобы он молчал о ней. Так, в статье, помещенной в газете "День" от 16го октября 1865 года, сорок лет тому назад, он скорбит, что его не хотят лонять.

- Наши статьи о некоторых недостатках церковного управления в России, о замкнутости духовного сословия, "о не совсем правильном отношении церкви к государству и о различных *лжах*, затемняющих иногда у нас светлый лик истины, явленной миру учением православным, все это, как оказывается, - пишет Ив. Аксаков, - смущает многих наших благочестивых читателей.

- Тут, - поясняет он, - кроется недоразумение. Мы не ослабить хотим религиозное чувство, а усилить; не уменьшить уважение к вере и к церкви, а поднять их на должную и заслуженную высоту. Вся беда в этом случае у нас, в России, от того, что в деле церкви, как, впрочем, и во всем, ревнивее всего охраняется *благовидност, внешнее благоприличие*, и этим большею частью и удовлетворяется наша ленивая любовь к церкви, наша ленивая вера! Мы охотно жмурим глаза и в своей детской боязни страха открытой правды стараемся завесить для своих собственных глаз и для взора мира многое, многое зло, которое под покровом внешнего *благолепия, благопрпличия, благообразия*, как рак, как ржавчина, точит и подъедает самый основной перл нашего духовнообщественного организма.

- Конечно, - добавляет Ив. Аксаков, - преступен тот, кто, ради личной потехи кощунственно издеваясь, выставляет миру напоказ срамоту матери. Но едвали менее преступны и те, кто, видя срамоту ее, видя ее страшные язвы, не только не снедаются ревностью об ее чистоте, чести и излечении, *но из ложного опасения нарушать благочестие, а в сущности, всего чаще по лени и равнодушию, дают, почти заведомо, укорениться злу и недугам, мерзости запустения на месте святы*

Ив. Аксаков говорит это тем сильнее и спокойнее, что понимает различие: он сознает, что язвы современной церковной жизни есть срамота *не церкви*, а срамота *наша*, и что эта *наша* срамота гибельна не для церкви, которую и врата адовы не одолеют, а для нас самих.

"Само собою разумеется, - говорит он, - что истина никогда не погибает, но извращенный путь ее развития в человечестве поведет к страшным бедам и потрясениям, и человечеству придется пережить много тяжких и напрасных испытаний, прежде чем снова восторжествует истина".

Боясь этих ненужных, тяжких испытаний, Ив. Аксаков и не боится смело подойти к самым больным вопросам жизни. Он понимает, что оценивать русскую жизнь по наличности ее, судить русскую народную душу по тому, как она уже проявила себя, - нельзя. Эта оценка будет не полная: где же полное проявление русского народного духа? Сто миллионов русского народа духовно спят. Тут приходится только гадать. По отдельным проблескам случайно прорвавшегося гения соображать:

- Это-отдельные лица! Случайные единицы! А что, если бы заговорил весь народ? Проявилась *общенародная* душа?

Об этом Аксаков и думает. Соображает, что надо, главным образом, будить в народе, кто это более других способен сделать. И он верно решает:

- Исключения могут быть, они и есть, но речь идет не о них. Речь идет об основном, а основная масса русского народа крепко держится церкви. И благо, что держится. Она и будет держаться. Народ не перестанет желать вечной правды, а основы ее в истинной церкви. Оте этих основ основа народной души и не отойдет. Но эту связь надо не ослаблять, не держать даже нерушимо, а следует укреплять, усиливать. Доле этот лежит на пастырстве, на нашем духовенстве.

Как бы там доселе жизнь ни складывалась, а духовенство у нас ближе всех стоит к народу. И каково бы оно, по человечеству, ни было, а влияние его могущественно. Могущественно, правда, более в возможности, чем в действительности. Оно, наше духовенство, страшно много могло *бы* сделать для народа, гигантски поднять, духовно гиганта народ, но, к сожалению, возможность эта пока так и остается возможностью, не переходит в исполнение.

"Народ растет духовно, как трава, - пишет Ив. Аксаков в "Руси" в 1874 г. - Никто его не учит, никто не наставляет. Ему предоставлено обучаться и просвещаться верою самому, чрез присутствие в храме при богослужении. И во сколько можно, - он обучается и просвещается. Но воистину в христианском строе русской народной души и быта следует видеть скорее непосредственное действие благодати Божией, чем заслугу его духовных наставников!" При этом Ив. Аксаков тут же дополняет: "Мы вовсе не желаем бросать укоры в лицо русскому смиренному духовенству". Он смотрит вглубь вещей и видит, что беда тут не столько в отдельных случайных лицах, сколько в случайном, неправильно установившемся, по человечеству, порядке.

"Наши приходские священники *лочно* и все, *огулом*, конечно, "наемниками" быть названы не могут, но порядок, не ими созданный, а ими, только унаследованный, привел к тому, что священнослужительство, или пастырство, обратилось в *сословную профессию*, в один из бытовых видов "кормления", в ремесло, в своего рода еврейское левитство. Охотно допускаем *множество* исключений, но никто не станет отрицать, что таков *общий* тип и что

исключения возможны лишь в виде трудного и тем более славного подвига. В виде тяжелой личной борьбы с общеустановленными формами жизни. Ремесленная сторона берет верх над стороной духовной, *профессия* - над *миссией*.

Причину этого Ив. Аксаков справедливо определяет в общегосударственном русском грехе, в казенщине, в чиновничестве, в бюрократизме, которые правду внутреннюю подменили правдой внешней, живую жизнь закрыли канцелярскими бумагами, действительное развитие и благополучие жизни оттеснили благополучными отчетами.

Во втором томе полного собрания сочинений, в сборнике: "Славянофильство и западничество", в статье: "О казенщине о церковном строе", Ив. С. Аксаков горько печалует, что реформой церковного управления при Петре живая церковная жизнь у нас была втиснута в тесные чиновничьи рамки духовного ведомства.

"Если можно с полною справедливостью назвать совершенно безличным то "духовное коллегия", которое создано по мысли и плану сподвижника Петра, Феофана Прокоповича, - пишет на 435 стр. Ив. Аксаков, - то никак уже нельзя усмотреть даже следов живого соборного начала в этом высшем присутственном месте духовного ведомства. Оно не более как одно из верховных государственных бюрократических учреждений.

Результатом такого положения является взгляд на церковь "как на одну из государственных функций, как на часть государственного организма, которой отправления не самостоятельны сами по себе и не сами для себя существуют, а подчинены общей цели государственного организма, предназначены соображаться с его задачей, с его общим строем".

Отсюда русской церкви, вернее, русскому церковному ведомству вменяются совершенно сторонние задачи. Предписывается способствовать обрусению инородческих народностей, поддерживать определенный строй: крепостное право, так крепостное право и т. д.

"Такое мнение, - читаем мы на 35 стр., V т., в статье от 18-го сентября 1865 г., - не только ложно, но и совершенно вредно в практическом применении. Это, значит, смешивать царство не от мира сего с царством от мира, поставлять вечное в зависимость от временного, непреложное от случайного, внутреннее от внешнего, безусловное от условного, свободу бессмертного духа, от грубой плотской силы. Церковь не может и не должна служить государственным видам и соображениям и никаким посторонним целям, кроме одной цели, указанной ей единою главою-Христом. Если церковь настаивает на исполнении гражданами своих обязанностей, то не потому, что это выгодно для государства, а потому, что это требуется (и притом *только в той мере, в какой требуется*) самим Христовым заветом. Она имеет в виду не граждан, а членов Церкви, общество не политическое, а общество верующих, Она побуждает последних к совершению только своего *христианского* долга и только с этой точки зрения смотрит на доле в отношении к государству".

"Область церкви есть область духа. Та область, где священнодействует дух человека в своем искреннем стремлении к истине. Эта область должна быть совершенно изъята от полицейской опеки, - кем бы ни была налагаема эта опека: светским или хотя бы даже самим церковным правительством".

"Послушание церкви со стороны верующих должно быть свободным, вытекать из глубоких внутренних влечений, а не из внешних побуждений или соображений. Такое послушание, по слову апостола Павла, должно быть "не за страх, а за совесть", т.е. иначе: не за страх человеческий, не за страх уголовных наказаний, а за порыв к Богу, за стремление к Божьей истине в церкви".

Поэтому Иван Сергеевич Аксаков не устает требовать свободы совести, свободы вероисповедания, свободы даже перехода из православия, если кому угодно.

"Что лучше для церкви? - спрашивает он в статье от 19-го апреля 1868 г. (газета "Москва"): малое, но верное стадо или же стадо многочисленное, но лицемерное, лживо ей преданное изеза боязни государственной кары? Если церковь (лучше бы: представители церкви) верует в свою внутреннюю духовную силу, то к чему содействие силы внешней? А если эта сила нужна, то не значит ли это, что нет достаточно внутренней силы? Тогда никакая полиция не оградит верующих от соблазна и отпадения".

- Тогда что же? - возражали Аксакову. - Тогда вы отворяете настежь дверь всяким соблазнам? Всяким волкам, которые придут и расхитят стадо.

- Нет, - отвечает Ив. С. Аксаков, - мы только будим спящих пастырей стада. Призываем их стать самим на страже, сменив стражу полицейскую.

Апостолы не знали сторонней поддержки. Их сила была в силе их духа, в силе прогнваемой ими Христовой истины. Власть кесарей была не с ними, а против них, и они, однако, победили.

К этой победе, победе духа и зовет Ив. Аксаков предстоятелей русской церкви. Наибольшего простора и свободы для духовных сил верующих чад церкви и молит. Пробуждения живых, но сонных сил церковных; оживления вялой русской церковной деятельности и чаёт:

"Внутреннее управление церкви, - говорит он словами г. Ив. П. в "Руси" в 1882 г., - должно быть предоставлено ей самой, а характер этого внутреннего управления определяется ясно как историей церкви, так и ее внутренним существом. Самым названием ее, которое дает, себе церковь. Церковь называет себя *соборною*, а потому и

характер перковного управления должен быть - *соборный*. И никакая исторические обстоятельства, никакая формы народного и церковного управления не могут устранить в жизни церковной надобности собирать соборы". Наше время, насущные нужды современной церковной жизни прямо взывают к такому всероссийскому церковному собору. Столько наболело в народной душе, столько накопилось неразрешенных религиозных вопросов, что канцелярским путем, предписаниями и циркулярами духовной коллегии с ее немногими членами *по назначению*, всех духовных нужд истомившейся народной русской души не утолить. Нужен свободный голос всей соборной церкви.

"Только при этом голосе свободной соборной церкви, заключает Ив. С. Аксаков словами приводимаго им автора, известного московского пастыря протоиерея Иванцова-Платонова, - и может восстановиться у нас правильное течение и самостоятельное развитие церковной жизни".

II. Владимир Соловьев

В 1881 году, после ужасного события 1-го марта, Св. Синод обратился к чадам православной церкви с пастырским воззванием, в котором оплакивал пагубное нравственное состояние русского народа и подробно перечислял общенародные грехи и беззакония: вольномыслие, гордость ума, неверие, погоня за внешними благами жизни и т. д., и т. д.

Послание не осталось незамеченным. Глубоко верующий и искренно преданный церкви, Владимир Соловьев тогда же отозвался замечательною статьею: "О духовной власти в России". Статья эта перепечатана теперь в полном собрании сочинений Владимира Соловьева, в третьем томе.

Со времени напечатания ее прошло почти двадцать пять лет, а она и в наши дни имеет, как и тогда, свое громадное жизненное значение.

Статья признает справедливость всех горьких упреков Св. Синода русскому народу, но она вместе с тем выдвигает новую сторону дела, требует существенного дополнения, отмечает в пастырском воззвании Св. Синода умолчание об основном духовном недуге русского народа.

"Помимо всех грехов и беззаконий в отдельных лицах и сословиях, - говорит Вл. Соловьев, - русский народ в своей совокупности *духовно парализован*. Нравственное единство его нарушено. Не видно в нем *действий* единого *духовного* начала, которое бы, как душа в теле, внутренне управляло всею жизнью".

И Вл. Соловьев с особой силой настойчиво подчеркивает в пастырском послании Св. Синода умолчание об этом основном недуге русской жизни-о духовном застое народа.

"Странно и прискорбно такое умолчание, - сокрушается философ-христианин, верный сын церкви. - Прискорбно и странно не только по важности дела, но и потому, что этот великий народный недуг ближе всего касается иерархии русской церкви, находится в области ее прямого ведения и от нее прежде всего может и должен ожидать своего врачевания".

Владимир Соловьев даже не входит в рассуждение о духовных силах русского народа. Оно, само собою, понимает громадность их. Россия велика пространством: занимает шестую часть земного шара. Она заселена свыше чем стоимиллионным народом. Какая бы жизнь должна была здесь развернуться! Каким ключом шипучим бить! Какою яркостью и разнообразием красок переливаться!

Есть все это? - Нет! Вяло все, сонно, уныло. Не жизнь, а прозябание. Огонь жизни чуть-чуть теплится, а не пылает ярким пламенем. Какая тому причина? Сил духовных в народе мало? Не справится с громадой жизни? Не повернуть ее? Не по плечу одушевить, зажечь, вдохновить?

Не то. Сил много. Сил избыток. Сил, как у былинного богатыря, который говорил: "Если бы ввернуть кольцо в землю, - взял бы я его и с ним всю землю-матушку перевернул". Только беда народа-богатыря: нет у него кольца, не дают ему, не указывают, где и как ввернуть. Самые силы духа не будят, на простор, на труд жизни не вызывают. Этот духовный застой народа, слабое раскрытие нравственных сил страны Вл. Соловьев справедливо называет не болезнью только, а и грехом. Чьим грехом? Владимир Соловьев не скрывает истины. Помня слова Спасителя: "Богу одному надо кланяться и Ему служить", философ-христианин радеет сердцем о Боге, о служении Ему, а не о людских самолюбиях и об угождении им.

Владимир Соловьев с того и начинает, что говорит:

- Полное применение всех сил духа русский народ может найти только в осуществлении правды Христовой на земле.

"Если Россия не по имени только, но воистину есть страна христианская, то в основе ее общественной организации и жизни должно лежать нравственное свободное единение людей во Христе, образующее духовное общество, или церковь.

"Существуя во внешней среде гражданского общества и государства, церковь не может обособиться и отделиться от этой среды, но должна воздействовать на нее своей духовною силою. Церковь должна привлекать к себе государство и общество. Должна постепенно уподоблять их себе, проводя свое начало любви и согласия во все

области человеческой жизни.

"Как орудие, как орган такого воздействия церкви на мирское общество, существует учреждение духовной власти, или Иерархия церковная.

"Сия иерархия особенно предназначена своим авторитетом и влиянием служить духовному объединению человеческого общества, *вводя присущее церкви начало любви в жизнь гражданскую и в дела государственные, и не словами только молясь, но делами, заботясь* о том, чтобы *имя Божие святилось в людях, чтобы царствие Божие пришло в мир* и чтобы воля Божия исполнялась *не на небе только, но и на земле*.

"Так должно быть по правде, - добавляет тут Вл. Соловьев, - но не то мы видим на деле. Церковь Христова свята и непорочна, но иерархия российская, без сомнения, может погрешить, может уклониться от долга и призвания своего. И не нужно нам останавливаться на предположении о возможности такого уклонения, когда история явно свидетельствует о его действительности.

Далее Вл. Соловьев не останавливается уже на временах святых отцов обще-христианской церкви, которые предстательствовали перед правителями и государями за своих пасомых, за отдельных лиц, за города и целые области. Он не говорит о том могущественном влиянии, которое свободный и властный голос церкви оказывал на самое законодательство страны. Владимир Соловьев вспоминает влияние церкви через достойный голос пастырей у нас на Руси.

"Было время, когда духовная власть в России, хотя и скудная деятельными силами, представляла, однако, христианское начало в обществе. Не соперничая со властью государственной, но и не унижаясь перед ней, не потворствуя дурным инстинктам, но и не отчуждаясь от них, она в глазах государства и в глазах народа действительно занимала должное ей высокое против нравственных требований духовной власти и не захотел правде ее подчинить свой произвол. Духовная сила, высшее третье, объединяла народ и правительство, ставя им обоим общую, единую, вечную цель водворение правды Божией на земле.

Русские святители не просто освящали власть, как власть, требуя ей во что бы то ни стало поклонения, - они *святила* ее на самом деле, *свято* руководили ею, направляли к святым целям, к служению святым целям, к служению святым благам страны.

Позднейшие времена значительно раздвинули рамки жизни, осложнили жизнь, а вместе с тем раздвинули, конечно, и осложнили труды и задачи духовных вождей народа, предъявили и продолжают предъявлять русскому духовенству все новые и новые запросы. Нужны бы новые проявления творческой силы духовенства. Нужно бы усиленное влияние пастырского - голоса на жизнь, на все стороны ее. Нужен бы видный отпечаток воздействия на выработку новых форм общественного и политического быта. Но все это - "нужно бы". Все это - "бы", "бы" и "бы". На деле об этом странно как-то даже и говорить. Странно ставить вопрос. Странно думать.

Владимир Соловьев кратко, но сильно так определяет всем известное современное положение русской церкви:

"Явное бессилие духовной власти. Отсутствие у нее общепризнанного авторитета и общественного значения.

Безмолвное подчинение ее светским властям. Отчуждение духовенства от остального народа. В самом духовенстве раздвоение между черным (монашеским) - начальствующим, и белым - подчиненным. Деспотизм высшего (правлящего духовенства) над низшим, вызывающий в этом последнем скрытое недоброжелательство и глухой протест. Религиозное невежество и беспомощность православного народа, дающая простор бесчисленным сектантам. И, наконец, равнодушие или же вражда к христианству в образованном обществе".

Приговор суровый. Но это-приговор, а не оговор. Приговор сделан не с злорадством, а с тяжелою душевной болью. Это не голос Хама, смеющегося над наготой отца; это - слова Сима, который хотел бы видеть своих духовных отцов действительно отцами живого духа в стране, вдохновителями народа, полноправными и заслуженно-признанными духовными вождями родины.

И если не только миряне, а и мы сами, духовные пастыри, если мы без всякого лукавства, по чистой иерейской совести, как перед Богом, спросим себя, оценим свое положение, - разве мы не вынуждены будем признать, что только лишь приведенные слова Владимира Соловьева-горькая, но одна чистая правда? Разве мы, духовные, не отошли от жизни? Разве мы - живые деятели народа, властные строители жизни? Соль земли? Свет мира? Закваска, дрожжи, подъемная сила народа? Больно и спрашивать, ставить вопросы. Эти великие слова евангельский: "соль земли", "свет мира", "закваска в тесте" звучат не как радостный и бодрый праздничный благовест, призыв к Богию "деланию", а как тоскливый великопостный удар колокола, напоминающий о необходимости покаяния в грехе "неделания".

Где и в чем русское церковное представительство в два последние века проявило свое благотворное влияние на русское общество и государство? Когда Петр Великий, по соображениям государственной выгоды, заменил казни раскольников фискальными против них мерами, когда затем Петр III, Екатерина II, Александр I и Александр II, по личным побуждениям человеколюбия и веротерпимости, все более и более ослабляли религиозные преследования, - то иерархия не только *не руководила* ими в этом, но и задерживала их добрые начинания.

Затем, вообще, в два последних столетия в России немало было сделано успехов общественных: крепостное рабство постепенно смягчалось и, наконец, совсем упразднено, смягчались уголовные законы, уничтожены пытки

на почти уничтожена смертная казнь, допущена некоторая свобода исповедания.

Все эти улучшения, без сомнения, предпринимались в духе христианском, и, между тем, представляющая христианское начало в обществе власть духовная никакого участия во всем этом не принимала. (Другими словами, живой дух Христов не прекращал своего действия в людях, в христианской стране, живая церковь Христова свое дело делала, но она, церковь, это делала приметнее через мирян, нежели через духовенство. Паства духовная была деятельнее пастырей).

В заключение Вл. Соловьев спрашивает:

- Можно ли указать, в каком добром общественном деле в России за последние два века видно было деятельное участие иерархии?

И в ответ - опять глубокая скорбь, опять горькое сознание:

- Требуют к ответу, а мы безответны. Кого назвать? Что указать? Кто из нас, духовных, предстательствовал когда теперь перед суровою властью за народ, за общество? В години тяжких бед страны: голода, эпидемий, безработицы, где открывалась щедрая общенародная помощь со стороны церкви? Какие монастыри кормили ежедневно тысячи голодающих, как бывало в старину? Из каких обителей шли иноки и инокини на борьбу с цингою, с тифом, с холерой? Тысячи светских девушек на полях кровавого Востока самоотверженно служат "Красному Кресту"; там есть дворянские, земские, городских дум врачебные отряды, - есть ли тысячи, хотя бы сотни монахинь, имеются ли отряды многобогатых обителей Печерской, Сергиевской, Почаевской, петербургской, Александровской-Невской? Думали ли об этом? О чем-нибудь подобном? О крупном, достойном крупной величины-церкви?

"Кто же виноват после этого, - спрашивает Вл. Соловьев, - если все добрые начинания мирской власти, лишенные *высшего руководства духовного начала*, не привели к положительным результатам и, разрушая зло, не создали добра? Кто виноват, что народ, *освобожденный государством, но не находящий достаточно руководства со стороны духовенства*, предоставлен собственным темным инстинктам? И что же мудреного, наконец, если в этом народе те, у кого духовная потребность сильнее, - идут в секты, а у кого слабее, - в кабаки?"

Духовное стадо, как и всякое другое стадо, за которым нет надлежащего духовного призора и попечения, - не может не разбредаться. Оно должно разбредаться. Оно будет разбредаться. Да оно и разбредается. Приходится силой держать в стаде: не столько к нему примыкают, сколько из него бегут. Почему?

Все это - вопросы, от которых нельзя отмахнуться, нельзя отделаться напускным пренебрежением, отписаться ханжескими софизмами и деланным, лицемерным возмущением. Тут требуется не негодование, а покаяние; смирение не на бумаге, а действительное, в душе; смиренное сознание своей действительно долговременной слабой духовной деятельности и пробуждение, усиление, неудержимый порыв к немедленному оживлению русской церковной жизни.

"И не нужно для этого никаких внешних чрезвычайных мер, - говорит Вл. Соловьев, - ни *восстановления патриаршества*, ни созвания вселенского собора. Единовластие (патриаршеское) пап не спасло же римскую церковь от заблуждения, а напротив - привело к нему". Не нужен и вселенский собор для оживления русской церкви: бессилие духовной власти - недуг не вселенской собственно церкви, а нашей, русской. Нам самим надо и думать, как избавиться от него. И думать не единолично, не чиновничьим умом, не в обер-прокурорских канцеляриях, а думать церковно, соборно, собором всей русской церкви".

Владимир Соловьев далее намечает и задачи будущего, столь необходимого современной русской церкви поместного собора, ставит вопросы, которые нужно будет разрешить, указывает даже заранее ответы на них. Он пишет: "Собор русской церкви должен торжественно исповедать, что истина и церковь Христова не нуждаются в принудительном единстве форм и в насильственной охране и что евангельская заповедь любви и милосердия прежде всего обязательна для церковной власти. Посему собор русской церкви, признав эту заповедь за высшее правило деятельности, должен ходатайствовать и перед светским правительством об отмене всех утеснительных законов и мер против раскольников, сектантов и иноверцев.

"Всеми этими запрещениями и утеснениями раскол и секты ведь не уничтожились и I церковь не прославилась.

Ужели еще не явно, что этот путь ложный и гибельный. Ужели не пора его оставить? Отчего бы духовному правительству не взяться за религиозное движение в народе с хорошей его стороны? Против тайной ревности старообрядцев ко всему божественному, церковное правительство должно усилить свое просвещенное рвение.

Оно должно показать и всем ищущим сектантам, что ему так же, и *еще более*, дорога правда Божия и христианская жизнь в духе и истине, как и им. Тогда они пришли бы к нему и - от него получили бы то, чего ищут: живую православную вселенскую веру.

"Далее, собор русской церкви, признав, что истинная вера не боится свободного исследования, должен отказаться от духовной цензуры, как принудительного учреждения, оставив за церковь ее неотъемлемое право, или, лучше, обязанность произносить свое порицание и осуждение всем тем мнениям, публично выраженными, которые противоречат православной христианской истине.

"Отказавшись, таким образом, от внешней полицейской власти, церковь приобретает внутренний, нравственный

авторитет, истинную власть над душами и умами. Не нуждаясь более в вещественной охране светского правительства, церковь освободится от его опеки и станет в подобающее ей достойное отношение к государству. "Тогда и лучшие люди образованного общества, отделенные от истины христианской тем образом мертвенности и распада, который эта истина приняла в нынешней учащей церкви, - тогда и эти люди в просветленном образе христианства узнали бы искомую ими высшую правду и свободным убеждением отдались бы ей".

Заключение правильное, хотя самая постановка вопросов и решение их на будущем поместном всероссийском соборе, конечно, не будут непременно соловьевские. Да и было бы жаль, если бы собор только то и решил, что ему предначертал Вл. Соловьев. Отмена собором всякого рода внешних стеснений и насилий в области религиозной жизни была бы только частью достойного соборного дела, и частью меньшею. Эта отмена указывала бы только, чего не надо делать, а собору будущего предстоит задача более великая: указать и то, *что* надо делать, чего духовенство, а с ним и миряне, доселе не делали, и как это сделать лучше.

Свобода совести

В своем знаменитом приказе перед полтавским боем Петр Великий писал: "А о Петре ведайте, что ему не дорога жизнь, жила бы Россия во славе и благоденствии". Слова эти были отнюдь не красивыми только словами, обычным для военачальников ораторским украшением. Нет, Петр, писал в них, действительно, одну только чистую правду. Для него всегда и во всем на первом месте было благо России, слава и благоденствие государства Российского.

Ради этого блага Петр не щадил ни своих сил, ни сил народа, ни самых близких, дорогих себе людей, включительно до родного сына царевича Алексея. Во всей своей деятельности он был прежде всего государственный. Строил государство, служил государству, о государстве только и думал и государственным интересам приносил в жертву все остальные интересы.

В, этом были его сила, его величие *государя* и его громадная заслуга перед государством, но в этом же заключались и крупные недочеты, пробелы и ущербности его правительственной деятельности. Петр из государства сделал Молоха. Рост государства, его силу и благополучие обратил в самоцель. Все государству и все чрез государство: им, ему и от него.

Что у всего человечества вообще и у каждого отдельного народа в частности есть единая общая вечная цель-устроение Царства Божия в людях, усиление правды евангельской и Христовой любви во взаимных человеческих отношениях и содействие наибольшему проявлению Духа Господня в жизни, в деятельности всех и каждого, - об этом Петр и не думал. Мысль о том, что государство - не цель, а только средство, частичный общечеловеческий орган для наилучшего выполнения единого общего Божия дела, средство для устроения общенародными силами более совершенных, божеских условий жизни, - подобная мысль Петру, очевидно, и не предносилась.

Поэтому Петр и на церковь, у которой свои определенные цели - внутреннее обновление людей, пробуждение в них духа Божия силою Христовою, посмотрел исключительно с государственной точки зрения. Он и в духовенстве выдвигал и приближал к себе людей не столько пастырского служения, сколько сторонников и поборников его государственных преобразований. Он и в предпринятой им крупной реформе церковного управления руководился, конечно, отнюдь не высшими, так сказать, церковными соображениями, а интересами чисто государственными.

Встреченный в своих преобразовательных начинаниях довольно несочувственно коренным великоросским духовенством, во главе даже с самим патриархом, Петр не мог не вспомнить историю столкновения патриарха Никона с его, Петра, отцом, государем Алексеем Михайловичем. Повторение подобной истории было конечно, Петру в высокой степени не желательно, а между тем, при самостоятельном и полномочном положении патриарха оно было возможно.

Такое самостоятельное и независимое положение русской православной иерархии поэтому Петру казалось неудобным. Может быть, даже опасным, в государственном отношении. Петр всегда боялся вмешательства церковной власти в гражданскую. Он по этой причине не любил и католичества, а скорее сочувствовал лютеранству. Ему все мерещилось панство с его противогосударственной борьбой. В 1712 году Петр в бытность в Виттенберге долго стоял перед статуей Лютера и, отходя, промолвил:

- Сей муж подлинно заслужил памятник: он на папу и на все его воинство столь мужественно наступал для величайшей пользы своего государя и многих князей, которые были поумнее прочих.

Папских замашек Петр боялся и в русском православном духовенстве. Страх был, конечно, неосновательный. Русское духовенство во всей прошлой истории было глубоко народно. О политической власти, о *внешнем* подчинении себе государственной власти оно не думало. Если, к сожалению, не всюю массою, то в лице отдельных достойных святителей и пастырей, оно стремилось, как могло и умело, к одному только нравственному влиянию, к духовному воздействию.

Петр, однако, поглощенный весь государственною стройкою, ревниво смотрел на духовную самостоятельность русской иерархии. Ему надо было, чтобы духовенство церкви не только не было против его государственных планов, а даже и не было равнодушно к ним, не сторонилось от них. Ему надо было, чтобы и церковные силы служили его государственным интересам, чтобы и церковная администрация вошла, как отдельное составное колесо, в общегосударственный механизм.

Для этого Петр берет церковное управление в свое ведение и налагает государственную опеку на весь церковно-административный строй жизни.

В 1700 году умирает патриарх. Петр не дает выбрать преемника. Назначает рязанского митрополита Стефана Яворского местоблюстителем патриаршего престола, и так праздным патриаршее место держит более двадцати лет, чтобы народ свыкся с мыслью об отсутствии патриарха, а в 1721 году и совсем упраздняет патриаршество, заменив его Святейшим Правительствующим Синодом.

По своим правам Св. Синод был приравнен к Сенату и вместе с тем подчинен государю - "крайнему судии", как сказано в духовном регламенте. Мысль эта "о крайнем судии" впоследствии была развита еще далее, и в своде законов Российской империи, в первой части первого тома, в главе VII, в статье 42 мы читаем: "Император, яко

христианский государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоправия и всякого в Церкви святой благочиния. В сем смысле Император в акте о наследии Престола 1797 г. апр. 5 (17910) именуется *Главою Церкви*" (курсив свода законов).

В следующей, 43-й статье мы читаем: "В управлении церковном Самодержавная Власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода, Ею учрежденного".

Не Св. Синод действует и делает распоряжения через светскую власть, а государство управляет церковно-административным строем *посредством* Синода. Св. Синод, выходя, явился учреждением правительственным, и через которое, как говорит один историк русской церкви, внешнее управление церковью вдвигалось в состав общей государственной администрации.

Для наблюдения за делами Св. Синода государственная власть назначила своего особого чиновника, так называемого обер-прокурора. В указе от 1722 г. о назначении обер-прокурора сказано было: "выбрать из офицеров доброго человека, кто бы смелость имел и мог управление дела синодского знать и быть ему обер-прокурором". А в инструкции, данной на имя обер-прокурора, он назван "оком государевым и стряпчим по делам государственным". На его обязанность возложено следить за решением дел в Синоде, несогласные с законами государства решения останавливать и доносить о них государю. Ему же, обер-прокурору, были подчинены и прокуроры духовных приказов и так называемые духовные *фискалы* или *инквизиторы*, которые следили за церковными делами по городам и монастырям.

Таким образом, высшее наблюдение за, ходом и положением церковного дела государство взяло на себя. В этих видах соответствующим образом вырабатывалось и законодательство.

"Более тысячи статей находим мы в своде законов, определяющих покровительство государства церкви, - писал еще в 1868 г. Ив. Аксаков в газете "Москва" от 19-го апреля. - Эти статьи по преимуществу сосредоточены в XIV томе, в своде уставов о предупреждении и пресечении преступлений. Нельзя не дивиться, читая эту книгу, до какой степени всякое малейшее религиозное проявление духа, уловлено, предусмотрено, расписано по статьям, пунктам и параграфам!"

И действительно, тут все предусмотрено. Статья первая гласит: "Губернаторы, местная полиция и вообще все места и лица, имеющие начальство по части гражданской или военной, обязаны, всеми зависящими от них средствами, предупреждать и пресекать всякия действия, клонящиеся к нарушению должного уважения к вере". Далее подробно расписано, как в храмах себя держать, как перед иконами стоять, когда на исповедь ходить, как праздники проводить, как за твердостью в вере православных следить и т. д.

Статья десятая гласит: "Мир и тишину в церкви обязана строго охранять местная полиция". Статья 11-я дополняет: "Священнослужители с своей стороны также внушают приличное христианам к службе Божией благоговение и, сохраняя всю благопристойность, наблюдают, чтобы тишина и порядок не были нарушены приходящими в храм Божий".

Статья 23-я предписывает: "Воскресные и торжественные дни, церковные и гражданские, посвящаются отдохновению от трудов и с тем вместе набожному благоговению. Посему дни сии, воздерживаясь от беспутной жизни более, нежели в другие, надлежит праздновать с благоговением и чистотою, и ходить в церковь к слушанию службы Божией, а особливо к литургии".

Статьи 18, 19 и 20-я требуют: "Всякий православный должен хотя однажды в год исповедаться и приобщиться св. таин по обряду христианскому, в пост или в иное время". - "Детей обоого пола приводить на исповедь, начиная с семилетнего их возраста, ежегодно". - "Внушение об исполнении сего священного долга (ст. 18 и 19-я), хотя более принадлежит приходским священникам, но и гражданское и военное начальство также наблюдают, чтобы лица, им подчиненные, непременно сей доле исполняли".

В статье 36-й значится: "Как рожденным в православной вере, так и обратившимся к ней из других вер запрещается отступить от нее и принять новую веру, хотя бы то и христианскую".

Все это и многое другое в подобном роде с государственной точки зрения, может быть, вполне естественно, желательно и одобчительно. Государство считает себя христианским, православным. Оно желает оказывать поддержку церкви, но так как меры действия и влияния государства есть меры внешние, меры судебной кары, то эта государственная поддержка церкви и является внешнею, полицейскою, проявляется в юридических обязательствах и в судебных наказаниях за нарушение этих обязательств. Церкви такая поддержка не нужна. Она не в духе церкви, излишня для нее. Сила церкви есть сила внутренняя, духовная. Внешняя полицейско-государственная поддержка, при всей ее благожелательности, это - костыль или палка для здорового и крепкого ногами.

Духовный регламент Петра требовал, чтобы архиереев, пока они здоровы, не водили под руки. Того же в праве желать и церковь от государства. Пока церковь здрава, пока силы ее духовные не оскудели, т.е. пока церковь есть церковь, она не требует, чтобы ее "водили под руки". Ей принадлежит право водительства, но она никем и ничем, кроме Единой своей Главы, Господа Иисуса Христа, водима быть не может.

Церковь Христова сильна и могуча сама по себе. Она действует своим внутренним обаянием. Как магнитный

Стержень железные опилки, привлекает к себе живую и действенною силою Христовою всякую живую душу. Насилия, внешнего принуждения тут быть не может. Христос Спаситель внешнею силою в число своих учеников никого не загонял. Равным образом, никого силою и не удерживал. Приходил кто, слушал глаголы вечной жизни, - благо ему. Верил в эти глаголы, принимал их сердцем, перерождался духом, - получал жизнь вечную. Не хотел внимать, отходил в сторону, - Христос Спаситель только сожалел о нем.

Таков же и путь истинной Христовой Церкви. Истинная любовь к церкви должна проявляться не в том, чтобы видеть церковь многолюдною по числу значащихся в списках ее верующих, а в том, чтобы видеть церковь, сияющую искреннею верою и высокою добродетелью ее духовных чад. Число тут безразлично. Важно качество, внутреннее достоинство верующих.

Был у меня в пастырской практике такой случай. Приходит ко мне как-то дама и спрашивает:

- Что надо, чтобы присоединиться к христианской церкви?

- Прежде всего - искреннее убеждение, живая вера в Иисуса Христа, Сына Божия, - говорю ей.

Дама смутилась, замялась:

- Я, видите ли, не о том. Я спрашиваю... Хотела бы знать, какие документы, вообще, формальности нужны для крещения?

- Формальности, - отвечаю, - дело второстепенное. Главное - настроение, искренность веры.

Дама опять в сторону.

- Он, - говорит, - буддист.

- Для церкви, - говорю, - это безразлично. Важнее, как он уверовал! Почему захотел креститься?

Дама, опять не на вопрос отвечает:

- Он может говорить только по-немецки.

- Язык тоже не при чем. Интересно только, почему он хочет принять православие? Видимо, даже мало в России жил.

- А это ему все равно. Т. е, какое вероисповедание, - к моему крайнему изумлению, вдруг отвечает дама. - Он крестится только для женитьбы. Женится на русской, на православной.

- Простите, - говорю, - тут я вам служить не могу.

- Как?

- Очень просто. Крестить вашего буддиста я не стану.

- Почему?

- Да потому, что мне для церкви нужна новая верующая душа, а не новая лишняя единица в клировых списках.

Так дама и ушла от меня с "некрещеным" буддистом. И, несомненно, для церкви это не потеря, как крещение его не было бы приобретением.

Не потеря для церкви была бы и тогда, если бы кто, потеряв с ней духовную связь, отошел от нее. Потеря тут для отошедшего, а для церкви - предмет сожаления. Держать такого в своей ограде насильственно истинно-Христовой Церкви не может. Как не может его насильственно и загонять.

Истинная, живая Христова Церковь не знает замков. В нее и вход, и выход совершенно свободны. В ней то и дорого, что союз верующих с нею есть союз свободный, добровольный, по влечению сердца, по глубокому убеждению души.

Переродился человек духовно, принял внутрь Христа, Сына Божия, - он, как капля, соединяется с живым океаном живой воды - с церковью. Изменился в этом океане почему-либо внутренне, духовную связь потерял, - сейчас выделяется из среды. В нем уже нет церкви и он не в церкви. Как же церковь станет держать его насильственно в своих недрах? Она может и должна убеждать его, молиться за него, но не пускать от себя силой не может. Это - не дело церкви, не церковный способ воздействия.

- Тогда что же? - скажут. - Тогда, значит, полная свобода уходить из православной церкви? Да ведь это гибель православия! В таком случае, если не все, то какие миллионы православных отпадут, кто - в раскол, кто - в сектанство, кто - в инославные вероисповедания.

Так говорят обыкновенно не в меру ретивые защитники всяких внешних вмешательств в вопросы веры, суровые противники свободы совести. И, признаться, я не знаю более грубых оскорблений для церкви, и не слышал, и не читал, как подобные речи, якобы, благочестивых ревнителей православия.

Хочется спросить их, как же они понимают православную церковь, внутреннюю связь духовных чад ее? Что такое, по их мнению, церковь? Куча сухого песка, которая не может держаться, если не будет чем-нибудь прочно ограждена извне? Или же это - живой Божий организм? Тесно сплоченное, внутренне соединенное тело Христово? Сама православная церковь учит нас последнему. Как же можно говорить, что живой организм, живое тело Христово, живой Божий союз только и держится внешнею, полицейскою охраною? Отними ее, и все пропало: верующие разбегутся, рассеются по распутьям! Разве же эти речи не кощунственны? Не грубое оскорбление, не унижение достоинства церкви?

Почему же, спрашивается, не православная церковь привлечет к себе из раскола, из сект, из инославных

исповеданий, а наоборот, те увлекут многочисленные жертвы из православия? Что же такое, в подобном случае, по их мнению, православная церковь? Есть в ней какая-нибудь внутренняя сила, или нет?

У православной церкви и многочисленное образованное духовенство, и громадные материальные средства, и богатая духовная литература, и высшие духовные учебные заведения. И при всем этом бояться отмены внешней охраны, только и полагаться на полицейскую власть? Не тяжкий ли это грех маловерия? Грех непонимания великой внутренней силы церкви? Вряд ли. Или, пожалуй, только отчасти. Более, - это грех нашей духовной лености, грех нерадивой надежды, что наш церковный сон и безмятежность его будут ограждены заботливою государственною властью.

Так, конечно, и было. Общий долгий сон народа не миновал и нас, пастырей. Наше пастырское делание также долго было в застое. Но что было, то было. Не станем судить строго прошлое. Лучше серьезнее обсудим настоящее и деятельнее примемся за живую работу, за устройство будущего. Это, лучшее будущее тем скорее и тем надежнее будет устроено, чем ярче и полнее живая Церковь Христова раскроет заложенные в ней и сокрытые силы духа Господня. Как это совершеннее сделать, как полнее отозваться по-церковному на нужды времени и как в волнующееся море жизни внести умиротворяющий дух Божий, - это, пожалуй, и не дело отдельного слабого разума. Тут нужен разум всей церкви, разум соборный. Жизнь ставит вопросы, с треском рушит все старое, гнилое, временное, человеческое и просит, требует, молит вечного, несокрушимого, Божия. И внешний закон, закон человеческий уже не удовлетворяет людей. Душа народа просит внутреннего закона, ответа Духа Божия на запросы совести. И этот ответ церковь, более чем кто-либо, может дать. И дело современных пастырей, доле их пастырской совести голосом соборной церкви, церковного собора ожидаемый ответ дать. Помогите нам Бог!

Что делать духовенству?

"Церковный Вестник", журнал петербургской духовной академии, в одном из своих номеров (8-м), поместил ряд интересных статей с живым откликом на нужды и запросы времени.

Не говоря уже о том, что духовный орган "отмечается" от, всякого согласия с "желчными", как он выражается, изданиями "Гражданина" и "Московских Ведомостей", "Церковный Вестник" радостно приветствует, все последние освободительные мероприятия правительства и горячо доказывает необходимость как их самих, так и дальнейшего расширения и углубления положенных в основании их начал.

"Все наши личные духовные и культурные сокровища, - говорит обозреватель печати в "Церковном Вестнике", - для их охранения и возведения на высшую ступень совершенства требуют сложной системы воспитательных и вспомогательных средств, заключенных в организованной среде общественности и государственности, вне которых человек не может, не в силах жить и развиваться, хотя бы он, по близорукости, и вообразил себя независимой единицей.

И по мере того, как растет жизнь отдельных личностей и целых обществ, - а она растет неустанно и с постепенным ускорением, - неизбежны на ряду с этим ростом и соответствующие изменения и расширения и общих, определяющих, ее рамок.

Когда запросы и потребности живых личностей перерастают эти рамки, то бесполезно и наивно взывать к одному самоусовершенствованию, не изменяя самой системы условий их существования, сообразно с новыми требованиями.

Любой закон, любое установление могут пережить свой собственный смысл и, вместо прежних споспешников жизни, могут стать тормозами ее. Никаким самоусовершенствованием победить это явление невозможно. Необходима, по слову Евангелия, "сия подобает творити и онех не оставляти", самостоятельная преобразовательная работа во внешней системе окружающих нас условий. Тут дело совсем не в "злоупотреблениях, не в уклонениях от закона", и не в мечтательных и несбыточных желаниях совершенного счастья. Как раз наоборот. Зло рождается именно от исполнения отжившего закона, от косной привязанности к нему. Разумею крайние, редкие случаи. Когда возникает, таким образом, острая потребность в перемене закона, никто не мечтает о полном, "абсолютном" счастье. Ищут лишь относительного, большего усовершенствования. И опыт, и история всегда оправдывают эти поиски и, напротив, всецело осуждают идущую против жизни неподвижность".

Приветствуя так и признавая необходимость освобождения личности от всяких внешних искусственных пут и стеснений, "Церковный Вестник" вместе с тем сознает и жгучую необходимость усиления внутренней работы, крайнего напряжения собственных сил Духа. Для всех вообще, и в частности более всего для духовенства, для деятелей на ниве пастырства.

- Нужно спросить себя, - говорит духовенству ректор академии, епископ Сергей, в статье: "Накануне объявления полной веротерпимости", - готовы ли мы к предстоящему великому дню? В мирное время требования совсем не те, что во время войны. В мирное время и деревянное оружие годится напоказ и картонная стена, лишь бы она была внушительна на вид, может показаться надежной защитой. Но не таким все это окажется на поле брани, когда уже не воображаемая, а действительная смерть смотрит в глаза, когда действительный неприятель наносит свои губительные удары. Так и у нас: охранительный закон, ограждающий немощные души от соблазна лжеучений, многое с нас снимает. Теперь и мишура кажется чем-то серьезным, и беспечное легкомыслие в церковном деле и служении - неопасным. Тогда же потребуют от нас уже не красивых фраз, не заученных силлогизмов, не пестрого наряда показной учености. *От нас потребуют тогда духа и жизни.* Потребуют веры и пламенной ревности, проникновенности духом Христовым, привычки к жизни по Христу, настоящей православной учености, настоящего, опытного познания христианства. Потребуют, чтобы мы писали не чернилами да еще заимствованными, может быть, из чужих чернилниц, а кровию из нашей собственной груди.

Ответим ли мы на эти запросы? Выдержим ли это огненное испытание? Устоим ли на этом, поистине, страшном суде? Ведь судить нас будем уже не мы сами, не наше благосклонное начальство (оно всегда к нам будет благосклонно). Нас судить будет сама церковь Божия, сам народ православный, который вверил нам церковное дело и который без всякого сожаления отвернется от нас, выбросит нас вон, если найдет в нас лишь гроб повапленный, лишь соль, потерявшую силу (Мф. 5, 13).

Какое искреннее, сильное, воистину пастырское слово! Если бы наши пастыри и архипастыри чаще (смелая мечта!) постоянно так говорили!

Тогда не приходилось бы пастырству каяться и с горестью сознавать себя задвинутым куда-то в пыльный угол жизни, как это с благородным достоинством делает тот же "Церковный Вестник", говоря в передовой "редакторской" статье: "За нашим духовенством накопилось много грехов, и оно, хотя, может быть, не всегда по своей вине, виновато в нынешних тяжелых временах. Мы слишком приучены во всем полагаться на защищавшую нас внешнюю силу. Разучились ходить на своих ногах. И теперь, вместо того, чтобы руководить свою паству в несчастьи, стать во главе ее, тесно сплотить ее под церковным крылом, вдохнуть в нее мужество и оберечь от

пагубного отчаяния, - мы вдруг начинаем сознавать, что паства не слушается нас, что она уже не идет за нами, как послушные овцы за добрым пастырем, что между нами и паствой выросло какое-то средостение.

Это роковое разделение между пастырями и паствой, угрожающее разорвать нашу церковь сверху до низу, требует от нашего духовенства особой бдительности в эту тяжелую роковую годину".

- Что же нам делать? - спрашивает автор передовой статьи "Церковного Вестника" и справедливо говорит: - "В сферах гражданского управления идет неустанная работа. В особых комиссиях и совещаниях разрабатываются всесторонние преобразования и улучшения, только *наше духовное ведомство, по-видимому, не начинало ничего подобного.* (Курсив везде наш). Между тем, и оно нуждается в *коренном* пересмотре действующих в нем узаконений и учреждений".

Далее "Церковный Вестник" широко намечает ряд вопросов, подлежащих церковному пересмотру, и указывает, как этот пересмотр сделать. Отнюдь не бюрократическим путем, не чиновничьими руками синодальных канцелярий в полной зависимости часто от ограниченного усмотрения одного какого-нибудь лица. Нет, путем чисто церковным, произволением соборной церкви.

"Нужен всероссийский съезд духовенства, - говорит "Церковный Вестник". - Он явился бы в настоящее тяжелое время не только выразителем желаний духовенства, но и прекрасным, незаменимым помощником центральной духовной власти в отыскании путей к улучшению современного церковного строя.

Если бы мысль о таком всероссийском съезде была принята, - как бы тотчас же загорелась работа по выработке и освещению тех вопросов, какие были бы предложены к его обсуждению! Уже сама по себе эта работа была бы весьма полезна, но еще полезнее и важнее был бы голос этого собрания пастырей со всех концов России: они ярко осветили бы и местные, и общие церковные потребности и указали бы верный выход из тех затруднений, что переживает наша церковь в настоящую пору. А отсюда, из царской столицы, они понесли бы по всей России успокоительную уверенность в том, что здесь идет всеобщая горячая работа на пользу родины и что эта дружная работа не замедлит сказаться благотворными переменами в самых глухих, отдаленных уголках нашего отечества". К этим прекрасным и благовременным словам, церковного академического журнала остается прибавить только одно: пожелание, чтобы слово скорее перешло в дело, чтобы русское духовенство оказалось достойно своего высокого пастырского положения и с горячим одушевлением откликнулось на горячий призыв к великому общенародному пастырскому деланию.

Господи, благослови венец предстоящего святого Твоего дела, выпавшего на долю нашу!

Знаменательный почин

В половине минувшего февраля, в день годовщины петербургской духовной академии, в частном доме собрался кружок бывших питомцев академии. Большинство было столичное духовенство, несколько преподавателей и профессоров, два синодских чиновника с видным положением в своей канцелярии.

Речь зашла о современном тягостном положении православного духовенства. Священники жаловались на стеснение пастырской деятельности, на отсутствие церковной жизни, замороженной светским чиновничеством.

- Вы захватили в свою канцелярию всю церковную жизнь, - пеняли священники своим однокашникам чиновникам.

- Вы апостольское изволение Духа Святого в церкви заменили своим усмотрением. Строите церковную жизнь по своему произволу: ломаете, как вздумается, характер воспитания и образования в духовных школах; устраняете, по своему усмотрению, белое духовенство из членов Синода; из постановлений Синода принимаете только то, что вам нравится; неуютное вам всячески тормозите. Вы вызываете членов Синода, назначаете архиереев по личным соображениям. Чиновники стали спорить, возражать:

- Этого быть не может. Это было бы противозаконно. Неканонично.

Батюшки разгорячились:

- Кому вы говорите? Кого пытаетесь обмануть? Конечно, все отмеченное нами неканонично, почему мы и ставим на вид, но оно есть. Пользуясь всяким удобным и неудобным случаем, вы, чиновники, забрали власть и, как тисками, своими цепкими, костлявыми руками давите "душу живу" в русской церкви. И вот, потому, что это неканонично, мы и кричим вам, наконец:

- Руки прочь! Церковь Христова не ведомство. Ее жизнь должна развиваться и устроиться соборным, церковным началом, а не чиновничьими предписаниями. Верующие, приход выбирают себе своего пастыря. Собрание приходов, епархия выбирает себе епископа, архипастыря. Собрание епископов выбирает достойнейшего в митрополиты, еще лучше - в патриархи.

Жизнь прихода, маленькой ячейки устроится собранием прихожан, во главе со своим пастырем, священником. Жизнь епархии устроится собранием епархиальным, выборными из духовенства и достойнейших мирян епархии, во главе с их епископом. Жизнь всей общероссийской православной церкви устроится обязательным ежегодным всероссийским собором духовенства, собранием достойнейших, по выбору всей русской церкви, пастырей, а если нужно, то и мирян, во главе с их митрополитами, - когда будет, - то и патриархами.

Все духовные и иные нужды паствы, всякого рода недоумения, нестроения и нарекания, тут будут братски поставлены на очередь и *пастырски* разрешены. Подчеркиваем: "пастырски". Потому что слово "пастырский" имеет свое особое, громадное значение.

Как есть чувство художественное, есть чувство музыкальное, так есть и чувство пастырское. Судья смотрит на жизнь одними глазами, понимает ее и разрешает неурядицы ее по-своему, по-судейски. Чиновник руководится своими соображениями и воздействует на жизнь иначе, по-чиновничьи, канцелярскими предписаниями. Пастырь входит в жизнь опять своей особой, пастырской дорогой. У него, у пастыря, и свои *пастырские* отношения к жизни, своя *пастырская* точка зрения, свои *пастырские* задачи и свои *пастырские* меры воздействия. Его весь дух особый. Свой собственный. Пастырский.

Пастырь не может действовать, как судья. Пастырь не может действовать и как чиновник. Ибо он - не судья и не чиновник; он - пастырь. В свою очередь, и судья не может действовать, как пастырь. Точно также и чиновник ничего общего не имеет с пастырским духом. Он может быть прекраснейшим человеком, послушным сыном церкви, искренне церкви желать блага и преуспевания, но он не может, не в праве, не смеет, не должен касаться, как власть, в дело устройства церкви, так как он чужд, совершенно лишен пастырского духа, а строение церкви, развитие церковной жизни требует, прежде всего, пастырского служения.

- Скажете, что вы разумеете пастырское дело не хуже, а может быть, лучше нас? - возбужденно говорили священники синодским чиновникам. - Скажете, и вы исполнены пастырского духа? Мы спросим тогда вас: "Почему же вы не идете в пастыри, а влезаете в чиновничий вицмундир? Почему вы не всходите на церковную кафедру, а садитесь за канцелярский стол?" Мы ничего не имеем против вашей деятельности. Служите Богу и родине, как вас влечет сердце. Но мы говорим вам: "Побойтесь Бога! Подумайте, что вы делаете! Куда вы со своим вицмундиром лезете? Ведь вы отстранили пастырей и сами стали на их место. Забрали административное устройство церкви, решение самых основных, коренных церковных вопросов в свое канцелярское ведение! Ваше ли это дело? Не есть ли это самое тяжкое духовное хищение? Самое страшное святотатство?"

Чиновники-коллеги были смущены страстностью слов батюшек, а, главное, сознавали всю правоту их, но уступить не хотели. Долгая привычка самоуправно властвовать развратила их духовно, и они жадно цеплялись за свою власть. Свою властность они считали, кажется, столько же неизбежною, как и самую церковь Христову, и всякое поползновение ограничить их "широкое пространство" в делах церкви считали чуть ли не искренно ересью и как бы восстанием на Бога.

- Вы, отцы духовные, преувеличиваете наше касательство к церкви, - начал один из наших чиновных коллег, которого мы за мягкие пожатия, за вечную надетую приветливую улыбку, за обещание всем всего без намерения

что-либо исполнить, называли Авессаломом и лукавым льстецом. - Мы к вам, духовным, относимся всегда с нарочитым уважением. Посмотрите у меня в канцелярии: я каждому лицу духовному стараюсь услужить. Помогаю даже одеться, сам иной раз подставляю калоши и говорю своим подчиненным:

- Так всегда оказывайте почет духовным особам.

Один из священников, товарищ говорившего, горько рассмеялся:

- Верно. Но ты не доканчиваешь тут, что ты своим чиновникам внушаешь далее.

- А что? - спросили другие.

- Очень существенное дополнение. Он там, в своей канцелярии, изволит поучать: "Почет оказывайте, но власть у себя держите. Как лошадь брыкливую: одной рукой по холке треплите, а другою - узду накидывайте".

- И поймите, - снова, чуть не со слезами в голосе, обратились священники к чиновникам, - не за власть тут идет спор. Не о том, кто будет главенствовать. Не об обидах пастырей вами, чиновниками, ведем речь. Все это пустое, - о чем стыдно было бы и говорить. Скорбь наша о пастырском делании. О неурействах современной церковной жизни. Что вы тут можете поделать? Что вы понимаете? Вы, чиновники, в пастырстве? А между тем, неспособные сами, лишённые пастырского духа в основе, вы и сами ничего пастырского не делаете и нам, пастырям, делать препятствуете.

Мы, пастыри, разобщены друг с другом. Не имеем между собою никакого общения. Живя в одном месте, не знаем пастырских нужд и запросов в других местах. Лишены возможности братского обмена мыслей, согласного решения и понимания тех или иных, иногда очень жгучих и сложных вопросов, вдруг выдвигаемых жизнью.

Чиновники слушали, сердито фыркали, пожимали плечами, морщили нос и переглядывались иронически между собою, но возражать - не возражали. Да и что можно было возразить?

А священники все более и более воодушевлялись. Они говорили чиновникам:

- Довольно, господа! Время приспе. Жизнь требует от духовенства не требоисполнения только, а широкого и живого пастырского делания. Жизнь призывает нас к отчету. И мы не желаем быть безгласными. Мы желаем полноты и широты церковной жизни. Мы желаем пастырского труда. Живой одушевленной апостольской работы.

Но мы отвыкли от этого дела. Мы слабо и разумеем его. Наша воля парализована. Мысли вялы и сонны. Не видно ярких Божиих светочей: только чуть-чуть кое-где мерцают отдельные слабые искры. Надо все это собрать вместе.

Раздуть. Воспламенить. Зажечь. Оживить.

Другой чиновник, черствый и хмурый брюзга, по существу тупой и ограниченный человек, лишённый всякого творчества, с душой истого подъячего, не выдержал и вскочил:

- Вздор все это! Бредни. Пустая брехня!

- Как вздор? - накинулись священники. - Как брехня? Ваши, вот, крики - позор. Мало, - позор; это - ужас. Вам говорят, о живом пастырстве, а вы кричите: "вздор"! И вы дерзаете сметь с таким пониманием дела считать себя в праве вершить судьбы церкви!

- Что же вы, отцы, думаете делать? Чем, вы полагаете, можно помочь делу? - ласково запел Авессалом.

- Помочь делу не легко. Дело великое. Общецерковное. Его и решить, устроить можно только общецерковными силами. В одиночку, отдельными лицами ничего не поделаешь.

- Так, вот, к тому я и клонил, отцы и братия, - мягко улыбнулся лукавый льстец. - Не надо горячиться. Надо потише.

Мы обдумаем и все решим.

- Нет, уж вы со своими канцелярскими думами отойдите в сторону. Теперь нужны думы церковные.

- Да как же вы их будете думать? В кружке, вот тут?

- Зачем в кружке? Наше дело не кружковое, а общецерковное. Мы кликнем клич к духовенству всей русской церкви. Есть люди, скорбящие о вялости церковной жизни, среди духовенства и Москвы, и Киева, и Тулы, и Новочеркаска, и Одессы, и далекого Иркутска и тысяч других больших и малых городов и селений православной Руси. Они давно томятся по живому пастырскому вдохновению и ждут не дождутся радостного гласа жизни.

- Что же это вы? Общероссийский священнический союз замышляете? - с наивным видом кинул лукавый

Авессалом. - А не пахнет ли это сектантством? Не будет ли это пресвитерианская ересь?

- Полно тебе подличать! - накинулся на Авессалома его товарищ по курсу, священник. - Что это у вас в канцелярии за подхалюзная привычка: чуть что не по вас, - сейчас с клеветой, с доносом, с ябедой, с ересью, с сектантством?

Что за наглость считать, что ты один - оплот истинной церкви, а тысячи, по крайней мере, сотни пастырей, живых, верующих душ, стонущих под твоей канцелярией, непременно еретики!

Страсти разгорались. Авессалом вспыхнул от досады, позабыл и свою улыбку, но вынужден был замолчать.

Священники продолжали развивать свою мечту.

- Как, в самом деле, быть? Прибегнуть к литературе? Поднять в печати ряд насущных церковных вопросов?

Добиваться созыва собора, созыва всероссийского духовенства? Все это хорошо, но все это будет дело личного почина, разумение отдельных лиц, а не голос всей русской церкви.

- Обратимся к нашим архипастырям, к епископам, к владыкам, - поднялись голоса. - Пойдем к ним с сыновними скорбями, раскроем свою душу, поведаем наши печали и надежды. Скажем: "Ревность о деле Божьем подвигла

нас. Возглавьте, владыки! Отчески руководите нами. Соберите наши малые разрозненные слабые пастырские силы в одно великое могучее целое".

- Так вас и примут владыки! - ехидно ухмыльнулся Авессалом. - Что вы им за указчики?

- Не ехидствуй, Авессаломе! Не злобствуй в своей вицмундирной душе. Не внушай заранее дурного о владычном приеме. Не пытайся и нас очернить в глазах владык. Не указчики мы нашим архипастырям, а просители перед ними. Просим их дать нам способ найти нужные для общерусского пастырства указания. И верим, наши архипастыри с отеческою любовью придут навстречу нашим просьбам.

- Ну, мы до этого еще ранее вас расскажем, - прошипел товарищ Авессалома.

- Руки коротки, почтенный! - махнули священники. - Злобы-то у тебя много. На все хватило бы, да силы мало.

Хочешь не хочешь, а придется тебе примириться. Живое пастырство в твой портфель не спрячешь. Портфеля нет такого.

Чиновники рассердились, встали, холодно простились с однокашниками и ушли.

Тесный пастырский кружок, оставшись дружною, близкою по духу семьей, долго еще беседовал о своей мечте.

Мечтали о взаимной нравственной поддержке, о таковой же поддержке соратников общим сочувствием за сотни и тысячи верст, об общей пастырской громадной библиотеке, о кассе взаимной помощи на случай бед и невзгод, об общей литературной работе, о выпуске сборников по церковным и религиозным вопросам, об издании своей газеты, где было бы все, как и в других газетах, но где все непременно освещалось бы единым чистым евангельским светом.

Все расходились с большим подъемом духа. Говорили:

- Ну, теперь работать надо, читать, думать, изучать. Переплавить все в горниле своего духа и чистым золотом христианской мысли и христианского чувства влить в пустые, но жаждущие ценного содержания формы жизни.

- Боюсь одного, - сказал кто-то: - наши вицмундирники тоже сложа руки сидеть не будут. С ними придется нам сильно столкнуться. Они ведь не разборчивы в борьбе. Нам не простят сегодняшних речей.

- Что ж? - возразил другой. - Предстоящее нам дело - великий подвиг. И мы, если беремся за него, должны быть готовы мужественно встретить все на пути. Я бы имел дерзновение предложить сейчас такую молитву:

- Благослови нас, Господи, на Твое святое дело и помоги свершить его до конца, а если встанут нам преграды, дай мужество не отступить пред ними и даруй силы их одолеть.

Больше книг на

Golden-Ship.ru